Я семья и школа

10. 2010

Мне не дорог твой подарок...
страница 7

Щелкунчик и другие
страница 20

Бить или не бить?
страница 27

Кухня: всё постное
страница 36

журнал для родителей

Фото Владимира Воронова

7я семья и школа

Журнал для родителей
Основан в 1871 году
Возобновлён в 1946 году

На обложке:
фото Е. Боковой

ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:
Т. Я. Кедрина (досуг и быт),
Л. А. Комарова (художественный редактор),
Н. С. Мавлевич (школа и общество),
Л. Ф. Осипова (культура),
В. А. Рыбаков (развитие и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 10 (октябрь) 2010
Подписано в печать 5 октября 2010 года.
Формат 60×90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 5900 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

Подписные индексы:
по Объединенному каталогу «Пресса России» — 70909;
по каталогу «Роспечати» — 70906;
по каталогу «Почта России» — 99351.
Подписка через Интернет: presscafe.ru

С анонсами свежих номеров нашего журнала вы можете познакомиться на страницах сайта mag7a.narod.ru

В номере:

Советы и рекомендации

Елена Никитина
Мне не дорог твой подарок…
7

Главным в подарках, которые мы делаем и получаем, должно оставаться искреннее чувство. Оно не материально, но совершенно необходимо. Иначе подарок просто лишается смысла

Юлия Корчагина
Мамина любовь
8

Из цикла «Трудные взрослые». Когда мама переехала к новому мужу, я осталась одна. Вечерами я часто плакала. Я вспоминала свое счастливое детство, вспоминала тот ужасный день, когда зазвонил телефон, и от моей семьи ничего не осталось

Повод к размышлению

Борис Бим-Бад
Музыкальный такт, просто такт и индукция
2

Дети впитывают в себя воспитательные технологии своего окружения. Незаметные, на первый взгляд, простые и обычные условия жизни, так называемые микрофакторы влияния, многое объясняют в последующем развитии человека

Вокруг развития и воспитания
4

Новое о хорошо знакомом и еще не знакомом

Игорь Кон
Бить или не бить?
27

Одна из главных причин распространенности телесных наказаний в России — общая «притерпелость» к насилию, жертвами которой являются не только взрослые, но и дети

Чтение

Людмила Самойлова
Голоса из мёртвой деревни
10

Бывают в детстве события, которые впиваются в душу вроде занозы. Беда в том, что ее влияние велико на жизнь и это событие заставляет уже взрослого человека делать поступки, как бы забыв про занозу

Виктория Лебедева
Ах, какие глазки.
Из цикла рассказов
14

Мариэтта Чудакова
Про Щелкунчика и некоторых других
20

Особый интерес сказок Гофмана, не похожих ни на какие другие, — в причудливом сочетании правды и вымысла. Порой так до конца и не понять — что же происходило в реальности, а что — примерещилось или приснилось

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)
22

Продолжаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Тобиас Вульф
Поцелуй
Рассказ
30

Лия Осипова
Картинная галерея: Россетти
40

Домашние занятия

Кухня: всё постное
36

Игры за столом
37

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах России получают журнал благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Музыкальный такт, просто

Борис Бим-Бад

Как я не научился музыке. Маме моей досталось от ее отца единственное наследство — старинное пианино, и решено было учить меня лет с шести музыке. Знакомый папиного знакомого был настройщиком. Еще и подремонтировал немецкий шедевр струнно-клавишных инструментов. Пригласили скромную учительницу, и начались уроки. Скоро ли, долго ли, но мне наконец так надоело разбирать этюды Гедике и Черни, что я на беду себе сочинил (точнее — *набренчал*) что-то свое, какую-то отсебятину. Как-то вечером родители застали меня за этим занятием.

— Что это за вещицу ты играешь?

Не знаю, не ведаю, почему, но неловко мне было признаться в своем несанкционированном авторстве.

Вероятно, я просто не мог, не умел сказать, что музыка бывает мелодичной, красивой, пленительной, а уж который год выполняю я скучные задания (гаммы не считаются: они мне каким-то таинственным образом нравились) без чувства и мысли; что на уроках царит преснотища-скукотища, что сложные вещи мне недоступны; что я просто имитирую взрослого музыканта.

Неожиданно для себя я соврал: «Да вот Валентина Антоновна задала новый этюд». Последствия моей лжи были ужасны.

— И ты уже выучил пьесу наизусть, молодец!

Перед следующим уроком родители поблагодарили учительницу за хорошенькую вещь, которую она задала разучить их отпрыску, А Валентина Антоновна скромно попросила меня напомнить ей, о чем идет речь. К тому времени я все ноты спрятал так, что их с ищейкой бы не нашли.

— Да вот куда-то ноты запропастились.

Папа пришел в ярость.

— Немедленно доставай ноты!

Пришлось лжецу делать вид, что он серьезно занялся розыскными мероприятиями. Я постарался незаметно достать ноты из-под кровати. Холод в груди, ожидание скандала...

— Ну, играй, что ты там нашел!

В повисшей тишине я долго молчал, а потом начал хныкать. Разоблаченного обманщика отпустили с миром...

Вскоре после этого я совсем перестал заниматься, и уроки музыки для меня навсегда прекратились.

Сейчас я думаю, что мои родители в том случае проявили некоторую нетактичность. Ведь дети лгут и фантазируют не просто так, а по какой-то для них важной причине. Взрослым стоит иногда проявить терпение, понаблюдать за дитятей, не торопить событий, попробовать докопаться до причины предосудительного поступка... Подчас ложь скрывает вполне благовидные побуждения ребенка.

Уверен, что не будь уроки музыки столь педантичными-механичными, что если бы учительница пленила меня, как и любого иного ребенка, красотой, околдовала бы песнями, заразила их ярким исполнением, мне не пришло бы в голову беспомощно экспериментировать со звукосочетаниями.

Ведь страсть к сочинительству во мне не умерла. Как-то мне приснилась божественная мелодия, и сон этот я запомнил. Наутро воспроизвел тему и затем посильно аранжировал мелодию. Некоторое время с успехом воспроизводил свое сочинение в разных аудиториях, а потом услышал мою песню по радио. Это была «Ёлка» Владимира Ивановича Ребикова, которую я где-то, когда-то явно воспринял и, казалось бы, забыл, а на самом деле сохранил в душе и потом принял за свое сочинение.

До седых волос я частенько музицировал, правда, только — вслед за Джеромом К. Джеромом — когда вокруг меня не было вдов и сирот.

Самые сильные влияния — непреднамеренные. Как-то в спортивном зале наш аккомпаниатор после занятий сыграл «Революционный» этюд Шопена — так просто, для себя. Я был пленен, раздобыл ноты и разучил этюд № 12, ор. 10. Сам, никто не подгонял. (Вскоре я стал фанатом Шопена.)

Когда одноклассник Володя Губанков, впоследствии выдающийся физик (сверхпроводимость), исполнил на чьем-то дне рождения первую часть «Лунной» сонаты Бетховена, я заразился ею, потом другими сонатами Бетховена, затем — Моцарта. Всерьез. И работал над ними с упоением. Сам. Никто не понукал.

Это заимствование человеком любого возраста готовой модели поведения у кого-либо из окружающих выдающийся психиатр, основоположник аналитической психологии Карл Густав Юнг (1875–1961), считал результатом внушаемости и “духовного заражения”.

Будучи похоже на внушение, *заражение* принципиально отличается от него тем, что при внушении человек, оказывающий влияние, не обязательно чувствует то же, что и окружающие, а в условиях психического заражения каждый индивид, становясь источником заражения, ничем не отличается от тех, кого он заражает своим душевным состоянием.

Имитационное поведение может быть бессознательным — к такому, например, относится «заразительное» зевание, покашливание, смех, аплодисменты, негодование, восторг и т. п. За примерами обратитесь к поведению людей в театре, на концерте...

Не знаю, как вам, дорогие читатели, но мне, почитав Шекспира, невольно хочется говорить пятистопным ямбом. А если много читать стихов, ловишь себя на желании рифмовать свои высказывания.

Определяющим для психического заражения выступает то, что в нем преобладает эмоциональная составляющая.

Наиболее легко заражаются настроением окружающих дети. Первая улыбка ребенка означает прорыв в его очеловечении, и возникает она только *в ответ* на улыбку важного для него взрослого.

А впоследствии достаточно, чтобы окружающие развеселились, и ребенок тотчас же начинает смеяться, часто не зная и не понимая причины веселья взрослых.

Говоря вообще, жизнедеятельность ребенка — процесс и результат *самопроизвольного* приобре-

тения личного опыта. Этот процесс протекает неосознаваемо для растущего человека.

Ребенок впитывает не столько *слова*, обращенные к нему, сколько *действительное поведение* важных для него людей, взрослых и сверстников. Если родитель, учитель, любой другой взрослый, претендующий на то, чтобы влиять на растущих людей, не знает этого, он вечно удивляется, почему дети относятся к нему не так, как, казалось бы, он заслуживает, если судить по его словах и намерениям.

Возрастание — не просто приобретение или достижение опыта, а момент его накопления и изменения. По мере того как расширяется важное для растущего человека общение, изменяется его поведение, переоцениваются ценности, взгляды и отношения.

такт и индукция

Как вызывается в детях интерес. Заразителен пример увлеченного человека. Поэтому самое верное в воспитании — увлечь за собой своим искренним энтузиазмом. Воспитатель и воспитанник — носители электрических зарядов, которые взаимодействуют. Для их взаимодействия необходимо напряженное психическое поле — интересов и дел. Общее для них поле.

Сильно увлеченный, заряженный своим интересом воспитатель, как ток в аккумуляторе, возбуждает в детях интерес к наукам, искусствам и ремеслам, повышая тем самым их внимание и умножая усилия по овладению умениями, которые стали для них интересными.

Как писал Ян Амос Коменский, дети учатся раньше подражать, чем познавать, поэтому так важно пробудить их еще спящие чувства. Для этого необходим сердечный жар воспитателя.

Пробудить сильное любопытство ребенка может скрываемое от него, но все же замеченное им (ребенком) увлеченное занятие другого человека (например, рыбалка).

Воспитатель — «зараза» в том смысле, что он «заражает» (или заряжает) подопечных своими личностными свойствами.

Дети и подростки довольно легко воспринимают, не анализируя, усваивают модели поведения, взгляды и отношения тех, к кому они относятся с доверием.

Борис Михайлович Бим-Бад, доктор педагогических наук, действительный член Российской Академии образования

Более того, они, как правило, отождествляют себя с «индуктором» и некритично *разделяют* его идеи.

В науке есть данные о том, что при индуцировании детей родителями у детей отсутствует внутренняя переработка переживаний, которые просто как бы отпечатываются и бездумно воспроизводятся. Прицельные расспросы часто выявляют у ребенка непонимание того, что с ним происходит.

Прочность и силу индуцирования обеспечивает авторитет воспитателя.

Процесс самоотождествления личности с другим человеком, группой, образцом — по преимуществу процесс эмоциональный.

Как все мы знаем из жизненного опыта и из литературы, можно заразить и заразиться энергией, романтическими идеями, верой... Чья-то философия в силах поразить и пленить молодого человека.

Примеры «заражения» из эпохи детства. Ребенок, особенно наделенный даром глубоких и сильных сопереживаний, может заразиться весьма сложными эмоциями. Марина Ивановна Цветаева вспоминала, как ее, еще совсем малышку, Пушкин заразил... любовью.

«Словом — любовь. Ведь разное: вещь, которую никак не зовут — и вещь, которую так зовут. Когда горничная походя сняла с чужой форточки рыжего кота, который сидел и зевал, и он потом три дня жил у нас в зале под пальмами, а потом ушел и никогда не вернулся — это любовь. Когда Августа Ивановна говорит, что она от нас уедет в Ригу и никогда не вернется — это любовь. Когда барабанщик уходил на войну и потом никогда не вернулся — это любовь. Когда розово-газовых нафталинных парижских кукол весной после перетряски опять убирают в сундук, а я стою и смотрю и знаю, что я их больше никогда не увижу — это любовь. То есть это — от рыжего кота, Августы Ивановны, барабанщика и кукол так же и там же жжет, как от Земфиры и Алеко и Мариулы и могилы». (*Мой Пушкин.*)

Заразиться в психическом отношении часто означает увлечься, например, трудной деятельностью. Так, у Умберто Эко в его обращении к студентам-дипломникам значится: «Хочется дочитать недочитанные книги, дописать недописанные мысли. Это — знак, что вы заразились исследовательской бациллой, как Чаплин в «Новых временах», продолжающий закручивать гайки после работы, выйдя с завода...» (*Как написать дипломную работу.*)

Герман Гессе: «Меня, который всегда был восприимчивым и склонным к критическим суждениям и отчаянно сопротивлялся всякой зависимости и подчиненности, этот таинственный старик пленил и совершенно обворожил просто тем, что апеллировал к самым высоким моим стремлениям и идеалам, как бы не видя моей незрелости, моих дурных привычек, моей неполноценности, что он предполагал во мне самое высокое...» (*Когда я был школьником.*)

Дети впитывают в себя воспитательные технологии своего окружения. Незаметные, на первый взгляд, простые и обычные условия жизни, так называемые микрофакторы влияния, многое объясняют в последующем развитии человека.

Несколько раз на протяжении своей жизни я проводил это испытание. Давал дошкольникам задание: успокоить расхулиганившуюся или плачущую куклу. Всякий раз дети повторяли по отношению к кукле те самые способы и приемы, что применяли их воспитатели по отношению к ним. Дети не знают, как иначе воспитывать детей, чем это делают их воспитатели; они не в силах изобрести ничего нового.

И я знал, что если они шлепают куклу по попе, то их самих шлепают взрослые, а если они отвлекают внимание от капризничающей куклы, то и большие к ним щадяще относятся.

Вот так дети невольно могут продемонстрировать вашу систему воспитания, воспроизводя ее, дорогие родители. Не удивительно, что и новоиспеченные мамы и папы тоже, совсем как малые дети, повторяют в манере обращения со своими детьми невольно усвоенные ими педагогические средства из арсенала собственного детства.

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Не стоит лишать мозг досуга

Надо расслабиться!

Мобильные телефоны, превратившиеся за последние годы в настоящие компьютеры с высокоскоростным выходом в интернет, облегчают людям утомительное ожидание в очередях и пробках, развеивают скуку в гимнастических залах. «Нью-Йорк Таймс» пишет: «Технология делает увлекательными и потенциально продуктивными малейшие окна во времени. Но ученые отмечают непредвиденный побочный эффект: когда люди занимают свой мозг с помощью цифровых устройств, они лишаются досуга, который позволил бы им лучше изучить и запомнить информацию или развить новые идеи».

Ученые Калифорнийского университета в Сан-Франциско выяснили, что когда у крыс появляется новый опыт, такой, как изучение незнакомой среды, их мозг показывает новые модели активности. Но только когда крысы делают перерыв в своем познавательном процессе, они осмысляют эти модели, обретая постоянную память о своем опыте. Исследователи полагают, что эти изыскания подходят и к познавательному процессу у людей.

«Почти наверняка время досуга позволяет мозгу проработать полученный опыт, укрепить его и поместить в постоянную долговременную память», — утверждает физиолог Лорен Франк. По его словам, постоянная стимуляция мозга препятствует процессу познания.

Ученые Мичиганского университета пришли к выводу, что люди учатся значительно лучше после прогулки на природе, чем после нахождения в плотной городской среде, и предположили, что люди утомляются от потока информации. Людям кажется, что они отдыхают, даже расслабляются, выполняя одновременно несколько задач, когда они просматривают видеоролики во время физических упражнений или ожидания автобуса. Но на самом деле они отягощают свой мозг. Люди думают, что они освежаются, но на деле они утомляются.

Алкоголь в глаза: новая опасная игра

У молодежи появилась новая мода: заливая алкоголь в глаза, подростки рассчитывают, что опьянеют быстрее. Эта мода пришла во Францию из британских кампусов и YouTube, пишет «Фигаро». По оценке детского психиатра Патриса Уэрра, во Франции эта тенденция объясняется стремлением молодых людей дойти до предела.

«В последние годы существенно усилился не только алкоголизм среди подростков, но и поиск новых источников возбуждения, часто подразумевающий риск», — признает специалист. Главная цель заливания алкоголя в глаза (eyeballing) — стремление отличиться, потому что опьянеть через глаза невозможно, подчеркивает Уэрр. «Такой способ не приводит к увеличению содержания алкоголя в крови, хотя подростки, играющие в эти игры, к этому моменту, несомненно, уже пьяны», — отмечает доктор Жан-Антуан Бернар, директор Французского общества офтальмологии.

Наибольшую тревогу, по мнению Патриса Уэрра, вызывает тот факт, что склонность к алкоголизму, раньше свойственную студентам, теперь демонстрируют школьники 11–13 лет. «Проблема в том, что в этом возрасте они не осознают опасность своих действий», — приводит издание слова психиатра. Последствия таких игр могут оказаться непоправимыми: попадание алкоголя в глаза может повредить глазную оболочку или привести к проблемам со зрением, подчеркивает Бернар.

Долго сидеть — легко заболеть

Посиделки на диване или за рабочим столом отнимают у нас годы жизни, пишет «Индепендент», ссылаясь на мнение экспертов по раку, заболеваниям сердца и ожирению. Они призывают внести соответствующие добавления во врачебные рекомендации ведомств здравоохранения. Дело не только в том, что сидение является одним из самых пассивных действий. Как выяснилось в результате ряда недавних исследований, длительное сидение приносит вам вред вне зависимости от того, чем вы занимаетесь в остальное время. Можете бегать по часу каждое утро, но если остаток дня вы проводите сидя за столом или на диване, вы повышаете свои шансы заболеть рядом опасных заболеваний.

Об этом свидетельствуют, например, результаты 13-летнего наблюдения за 123 тысячами добровольцев, опубликованные в «Американском Журнале Эпидемиологии». У тех женщин, которые сидели более 6 часов в день, вероятность умереть в указанный период оказалась на 37 процентов выше, чем у тех, кто проводил в положении сидя менее трех часов в день. Применительно к мужчинам этот показатель составил 18 процентов.

Испытуемые не болели раком и сердечными расстройствами, не имели проблем с легкими и инсультов, получали разную физическую нагрузку. Подобные выводы были получены и в ходе других исследований.

Эффект от сидения независим от прочих факторов риска. Это не значит, что физическая активность и подтянутость не приносят пользы. Но эта польза не имеет отношения к сидению. Например, и курение, и ожирение вредны, но не зависят одно от другого: курить вредно как в том случае, если вы страдаете ожирением, так и при нормальном весе.

В чем конкретно заключается вред от сидения, пока остается до конца не ясным, однако есть предположение, что оно приводит к весьма основательным изменениям в обмене веществ. Причем для того, чтобы они наступили, достаточно всего одного дня долгого сидения. Благодаря конторской работе, автомобилям и сидячим, диванным развлечениям большинство из нас подолгу сидит. Но есть простейшие способы смягчить самые плохие последствия такого образа жизни: время от времени вставать из-за стола, потягиваться, в обеденный перерыв совершать прогулки.

Сидячая работа — не такое уж и благо

Избавление от очков?

Ученые обнаружили ген, который вызывает близорукость у человека. Это открытие может породить новые методы лечения одного из самых распространенных глазных заболеваний. Очки далеко не всегда были аксессуаром моды. Многим в детстве приходилось терпеть обидные прозвища («очкарик») и дразнилки («у кого четыре глаза, тот похож на водолаза»). Близорукость, признаком которой является размытость воспринимаемого глазом зрительного образа, часто начинается в детстве. Сейчас от нее страдает каждый третий взрослый британец. Однако появилась надежда, что в течение ближайшего десятилетия число близоруких начнет сокращаться. Вызывающий близорукость ген обнаружили медики из лондонского Королевского колледжа. «Мы уже много лет знаем, что наследственность является важнейшим фактором риска в случае близорукости», — заявил они.

Очков скоро не будет?

По мнению руководителя группы исследователей доктора Криса Хаммонда, через 10 лет близорукость можно будет лечить каплями для глаз. Специалисты из Королевского колледжа в течение 12 лет изучали 4 тысячи близнецов. Им удалось обнаружить ген, общий для людей, страдающих близорукостью. Другое исследование в Голландии выявило второй такой ген, и доктор Хаммонд считает, что с этим заболеванием связано несколько генов.

Близорукость возникает из-за того, что глазное яблоко вырастает слишком большим и перестает правильно фокусировать свет. Большинство детей рождается дальнозоркими, но по мере роста их глаза начинают лучше видеть близко расположенные предметы. У детей и подростков, которые заболевают близорукостью, глаз продолжает рост сверх отведенных ему сроков. Доктор Хаммонд полагает, что уже в скором будущем будут созданы лекарства, способные блокировать генетические пути, по которым идут сигналы о продолжении роста глазного яблока. Это может привести со временем к резкому сокращению числа людей, вынужденных носить очки.

Для стран, где люди проводят много времени за чтением и компьютерным экраном, это особенно актуально.

Быстрая еда — пожизненная полнота

Ученые доказали: даже короткий период неумеренного потребления фастфуда может спровоцировать склонность к полноте в последующие годы, утверждает «Дейли Мейл», ссылаясь на шведских ученых, которые провели один из первых в своем роде экспериментов — они специально перекармливали испытуемых жирной и сладкой пищей, а затем отслеживали их вес и состояние здоровья.

Восемнадцать стройных и здоровых мужчин и женщин 22–24 лет, которые ведут активный образ жизни, на месяц почти удвоили количество потребляемых калорий. Добровольцы как минимум два раза в день ели фастфуд и пренебрегали физическими нагрузками. За месяц они потолстели в среднем на 6,34 килограмма. Когда эксперимент завершился, они несколько похудели. И все же спустя два с половиной года те, кто устроил себе праздник обжорства, были примерно на три килограмма тяжелее, чем в начале эксперимента. Члены же контрольной группы, которые вели обычный для себя образ жизни, сохранили прежний вес. Возможно, периоды обжорства меняют физиологию человека, заключили ученые.

Фастфуд — это плохо

Можно ли измерить бессознательное?

Недавно появившийся на прилавках и в почтовых ящиках подписчиков августовский номер журнала «Нью Сайентист» не только сообщает читателям о новейших достижениях в различных областях науки, но и сам по себе представляет результат интересного эксперимента. Обложка этого номера была выбрана из трех предложенных художниками вариантов с помощью нейромаркетинга — нового метода, позволяющего определить бессознательную, то есть искреннюю реакцию человека на демонстрируемые ему предметы или изображения. Нейромаркетинг может, например, оценить эффективность рекламных объявлений и роликов.

Еще давным-давно гуру рекламщиков Дэвид Огилви говорил своим студентам: помните, насколько элегантное и остроумное вы ни придумали бы, фотография полураздетой женщины все равно привлечет намного больше внимания. Это справедливо и сегодня, но журнал «Нью Сайентист» все-таки из другого мира — научного, хотя однажды и напечатал соответствующую иллюстрацию к статье о раке молочной железы.

На обложке августовского номера должно было быть изображено нечто космическое, поскольку в этом номере самой важной и интересной была статья про далекие галактики.

Для оценки эффектности обложки были отобраны 19 добровольцев, которым демонстрировали набор классических плохих и хороших рекламных роликов, при этом у добровольцев снимались электроэнцефалограммы и записывались на пленку движения глазных яблок и глотательных мышц. Так было установлено, что именно у испытуемых вызывает наиболее сильное «эмоциональное вовлечение» при наблюдении таких изображений. А затем им было предложено рассмотреть три варианта обложки, и самый «эмоционально вовлекший» испытуемых вариант был отправлен в типографию. Редакция теперь выясняет, возросла ли продажа журналов с лотков.

Марихуана и шизофрения

Люди, страдающие шизофренией, вдвое больше склонны к курению марихуаны, чем остальные, пишет «Тайм». И наоборот, те, кто курит марихуану, в два раза чаще заболевают шизофренией, чем те, кто ее не курит.

Но тут есть несоответствие: в то время как марихуана из тайного прибежища маргиналов и битников 1940-х и 1950-х превратилась на рубеже веков в достояние 70 процентов всей молодежи, процент шизофрении среди населения США остался примерно тем же — 1.

Объяснение может заключаться в том, что эти два фактора сопутствуют один другому, а не вытекают один из другого: люди, генетически предрасположенные к шизофрении, возможно, получают особое удовольствие от курения марихуаны. Некоторые исследования показывают, что курение «травки» может даже стать толчком к развитию заболевания у тех, кто предрасположен к нему, пишет автор статьи Майя Салавиц.

Автор одного из исследований, психиатр Серж Севи, осмотрел сто пациентов в возрасте от 16 до 40 лет, страдающих шизофренией, половина из которых курили марихуану. Севи с коллегами обнаружил, что три четверти из них уже курили до развития у них шизофрении и что болезнь у них обнаружилась двумя годами раньше, чем у тех, кто не употреблял наркотик. Правда, когда исследователи учли другие факторы риска шизофрении, такие, как пол, образование, социально-экономическое положение, связь между проявлением заболевания и потреблением марихуаны исчезла.

Марихуана оказывает противоречивое воздействие на шизофреников, повышая настроение и одновременно вызывая галлюцинации и иллюзии. Это неудивительно, если учесть ее химический состав. Один из ее компонентов известен тем, что вызывает галлюцинации, и в высоких дозах может даже у здоровых людей вызвать приступы паранойи или психоза. Но другой компонент марихуаны обладает антипсихотическим эффектом, говорится в статье.

Н. П.
(по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Мне не дорог твой подарок...

Елена Никитина

Проблема подарков лично для меня стоит очень остро. Новый год, 23 Февраля, 8 Марта и — круглогодично — дни рождения взрослых друзей и их детей.

На первом же собрании учительница объявила родителям первоклашек: каждому имениннику положен не только подарок от коллектива, но и обязательно от каждого одноклассника свой — ценой в 200 рублей. Выходит, ребенок унесет домой в день рождения презентов почти на 6 тысяч рублей — быстро прикинули родители. Это ж какой классный подарок можно на такие деньжищи купить, — охнули они. Однако капитал оказался распыленным: первый именинник уже через три недели, как и ожидалось, притащил домой целый мешок фломастеров-блокнотиков-фонариков-кружек. Мама — не скаредная, но весьма практичная — велела сувениры даже не разбирать: «Отнесешь обратно, когда у других дни рождения будут». Вряд ли ее сын когда-нибудь забудет дурацкое ощущение от получения горы барахла в подарок.

Две мамы одноклассниц-первоклассниц, озаботились подношением по случаю Дня учителя заранее, еще в середине сентября. Обе — дамы реалистичные, умеренно образованные и «с понятием»: детсадовский психолог и врач. Идею одобрили единогласно: спиртное. Оставалось только решить, что именно. Коньяк? Плохой — неприлично, хороший — накладно. К тому же последующие подарки (Новый год, день рождения, окончание учебного года и так далее), по логике, должны быть в денежном выражении дороже. Водка? Совсем «не комильфо». Вино? Предпочтения неизвестны, можно и не угадать, вместо возбуждения любви к ребенку получится очередная подстава. А если выбирать не содержимое, а форму — сувенирную бутылочку в виде лозы винограда или виолончели? Оказалось, именно такие имеются в продаже в магазинчике «шаговой доступности». Цена вопроса — всего 300 рублей! Причем уже в торговой точке у прилавка выяснилось, что можно потратить еще меньше — всего 160! Что за эти деньги окажется налитым в подарочную тару, даже подумать — не то что в себя употребить! — страшно. Но, сопровожденная корзиной фруктов, бутылка была встречена в школе на «ура». И никого — ни учительницу, ни психолога, ни врача, ни прочих присутствующих — не смутил такой подарок *педагогу* по случаю *профессионального праздника*. Действительно, учитель не человек, что ли? И пьет, и закусывает, и красотой любуется...

Родительский комитет второго «А» к 23 Февраля готовился основательно. В праздничный день на первом уроке будущим защитникам торжественно вручили гантели. Небольшие такие, по полтора кило, но зато по две штуки каждому. Несколько спасала положение упаковка — прочная картонная коробочка, но все равно отсутствие «последствий» удивило: к концу шестого урока еще не наблюдалось ни одного разбитого стекла и ни одной головы, пробитой столь неожиданно обретенным спортивным снарядом. Дети веселились, а взрослые, пришедшие за ними в школу и морально не готовые к *такому* подарку, озадаченно переглядывались. Юрин дедушка недавно перенес инфаркт, Андрея забирает няня, у Игоря мама скоро должна родить, Диму бабушка прямо из школы ведет на тренировку... Почти всем лишние три кило совершенно некстати.

Еще более «мужской» подарок в этот день получили шестиклассники. Им торжественно вручили купленные родительским комитетом дезодоранты — из тех, к которым в телевизионной рекламе непременно прилагаются озабоченные дамы «от 8 до 80». Девчонки-одноклассницы смутились, еще не умея сформулировать: интимные подарки (а в данном случае дезодорант таким можно считать на сто процентов) — по правилам хорошего тона — преподносят только тем, с кем состоят в близких отношениях. Парни тоже были смущены и озадачены...

В день рождения принято не только дарить подарки, но и угощать. В начальной школе оптимальным для этого оказались шоколадные яйца: разом и лакомство, и игрушка... В средней школе празднование стало проще и дешевле — не нарочно, так получилось. Однако по части «бюджетности» всех переплюнула дочка папы-профессора, раздавшая одноклассникам в ознаменование своего рождения по три леденца производства местной фабрики (170 рублей за кило, объем — ведро). Дети эти «стекляшки» очень любят, но строгий учет и дозированность угощения покоробила многих. К слову, к этой девочке так в классе и относятся — «на три леденца». И вовсе не за сиротское угощение на именины...

Незадолго до Нового года сестра и брат, восьми и пяти лет, что-то уж очень озабоченно сновали по квартире, шуршали чем-то на кухне (понадобилась фольга), лазили в шкаф с инструментами (за клеем), совершенно не ругались и даже не спорили, что редкость. Оказалось, главный персонаж приближающегося праздника — самое несчастное на свете существо. Все у Деда Мороза что-то просят, всем он подарки приносит, а ему никто — *совсем никто!* — ничего не дарит. А ведь ему тоже хочется и праздника, и радости, и подарков! Поэтому срочно — *срочно!* — пока еще есть время, нужно сделать подарок для Деда Мороза, положить его под наряженную елку, снабдив соответствующим письмом-поздравлением. А когда он придет, то сам заберет сюрприз. И станет ему тоже радостно и тепло.

Все это — от идеи до словесных формулировок и изготовления сувенира — дети придумали самостоятельно, поразив родителей. А сколько было радости, когда Дед Мороз забрал приготовленный для него подарок! А еще говорят, чудес не бывает...

Взрослые отражаются в детях как в зеркале — это аксиома. Мир становится более рациональным и прагматичным — это тенденция. Но некоторые важные ценности не меняются. Все-таки главным в подарках, которые мы делаем и получаем, должно оставаться искреннее чувство. Оно не материально, но совершенно необходимо. Иначе подарок просто лишается смысла.

депрессия одиночество суицид

Мамина любовь

депрессия одиночество суицид

Юлия Корчагина

Первые статьи цикла «Трудные взрослые» напечатаны в №№ 3–5 и 7–9.

Мамочка. По утрам она будила меня с ласковой улыбкой, собирала и провожала в детский сад. Покупала мне красивые платьица и заплетала яркие ленточки в косички. Водила меня в театр на детские спектакли и читала на ночь сказки.

У мамы всегда находились для меня разные нежные прозвища. Если кто-то из взрослых спрашивал меня, заигрывая: «Девочка, как тебя зовут?», я совершенно искренне отвечала: «Я мамина ладось Натасика Каласева».

Мой подростковый возраст не стал нам помехой. Именно маме я рассказывала о своей немудреной жизни: о ссорах и примирениях с подружками, о том, что я написала в сочинении «Самый счастливый день», и даже о своей первой робкой симпатии к однокласснику и отличнику Королькову Никите.

Мамины подруги восхищались и завидовали нашей дружбе. Я не курила за углом, не отпрашивалась на дискотеки, не закрывала дверь в свою комнату, не грубила, не отказывалась помогать по дому.

Вообще-то наша семья состояла из четырех человек. У меня еще были папа и бабушка Люся — мамина мама. Я говорю — «были», потому что потом...

Сначала у нас не стало папы.

Однажды по телефону позвонила какая-то женщина и сказала маме, что у папы давно уже есть другая семья, в которой скоро родится ребенок.

Вечером того же дня папа молча собрал свои вещи — немного вещей, будто отправлялся в командировку, и ушел, погладив меня по голове и поцеловав на прощанье.

— Ради дочери мог бы со мной остаться, — беспомощно пролепетала мама ему вслед.

Папа, до того не раскрывавший рта, распахнул уже захлопнувшуюся дверь и прокричал в ответ, что он, папа, очень устал и больше не хочет никого обманывать. И что когда его дочь вырастет, она все поймет и простит его.

После развода мама много плакала. Это было очень тяжелое для нее время.

Каждый день после школы я бежала домой, не сомневаясь, что опять застану маму сидящей у окна на пустой кухне или лежащей на диване лицом в подушку.

От ее страданий моя душа выворачивалась наизнанку.

Я делала почти всю работу по дому. Я готовила обед и уговаривала маму поесть хотя бы немного. Я убрала папины фотографии и другие мелочи, которые могли о нем напомнить. Я подробно рассказывала маме о школьных новостях, надеясь хоть немного отвлечь ее от грустных мыслей.

Иногда в нашей квартире звонил телефон. Это были мамины бывшие подруги, жены папиных друзей. Сочувственно понизив голос, спрашивали меня: ну, как она? Получше? Я отвечала им, что да, получше. Сегодня немного покушала. Сегодня немного улыбнулась. Да, спасибо. Нет, ничего не нужно.

Бывшие подруги облегченно вздыхали. Никто из них так ни разу и не заглянул к нам — в новой жизни они предпочли общаться с моим папой, а не с его прежней семьей. Мы стали прошедшим временем.

Потом наступил какой-то новый этап в маминых переживаниях. Теперь она подолгу разговаривала по телефону. Она вспомнила всех своих старинных приятельниц, одноклассниц и однокурсниц, и звонила им, положив перед собой записную книжку и набирая один номер за другим. Разговаривала подолгу, будто боялась, что, положив трубку, снова останется наедине со своими мыслями, со своей болью.

Разговоры были однотипны: мама вновь и вновь рассказывала о случившемся, обвиняя поочередно папу, себя, и ту незнакомую женщину.

Приятельницы отвечали, как положено в таких случаях, что «он того не стоит», что «он обязательно одумается и вернется», и что «она обязательно найдет себе другого». Советовали сделать себе новую прическу и купить новое платье.

Однажды мама действительно пошла в парикмахерскую, но чуда не произошло: прическа получилась ужасная.

«Новая жизнь» так и не наступала. Мои одноклассницы сочувствовали мне и часто звали к себе в гости или на прогулку. Обычно именно в эти моменты маме становилось как-то особенно одиноко. «Конечно, Таточка, иди, а я тут посижу, телевизор посмотрю...», — говорила мама, и глаза ее наполнялись слезами. Я оставалась дома.

Однажды позвонил папа и пригласил меня в кафе — посидеть, поговорить; было понятно, что он по мне соскучился. Я поделилась этой новостью с мамой — и мне пришлось покупать для нее сердечные капли. До самой ночи я сидела возле ее кровати, успокаивая ее и обещая, что никогда не предам ее.

Через год к нам переехала жить мамина мама — бабушка Люся.

— Ты должна учиться, а не за этой барыней ухаживать! — сказала она, и я больше не готовила обеды и не занималась уборкой. Даже в магазины теперь ходила бабушка.

Папа больше не звонил.

Я заканчивала школу. Все было вроде бы неплохо, но со мной происходило что-то странное. У меня будто закончились все желания. Я избегала общества своих подруг, меня не интересовали мальчики. Чаще всего я закрывалась в комнате с книжками и почти не выходила оттуда. Готовилась к поступлению в институт — но могла часами бездумно смотреть в учебник, не перелистывая страниц.

Во мне будто что-то перегорело. Иногда мне казалось, что мне не семнадцать лет, а сорок. Или даже семьдесят. Наверное, это была настоящая депрессия — но я об этом не знала и не пыталась от нее избавиться.

В институт я не поступила — и в тот же год отдала документы в педагогический колледж, чтобы через три года стать воспитателем детского сада.

Осенью мама вышла на работу, а бабушка стала часто болеть, и я снова взяла на себя многие заботы. Я с удовольствием (хоть это странно звучит) ухаживала за бабушкой, не обращая внимания на ее ворчание и почти постоянное недовольство; готовила еду, ходила в поликлинику и в аптеку.

Я делала все что могла, но бабушка Люся так и не выздоровела. Она умерла зимой — и мне до сих пор кажется, что это произошло не

из-за болезни, а оттого, что она просто не захотела быть слабой и беспомощной.

Она всегда была сильной, моя бабушка. Она рано похоронила своего мужа и двух своих старших сыновей. Замуж больше не вышла, растила мою маму и никогда не жаловалась на жизнь.

Когда мама уехала в город и поступила в институт, бабушка регулярно отправляла ей денежные переводы, а потом, когда я родилась, целый год вела у нас хозяйство, пока мои родители-студенты писали диплом и сдавали экзамены.

Приезжала она и потом, позже, когда я уже выросла, — и всегда помогала, помогала...

Похороны бабушки Люси прошли тихо и как-то незаметно.

А дальше все произошло очень быстро.

У мамы неожиданно появился поклонник. После работы мама ходила на свидания и возвращалась после полуночи с немного виноватым и каким-то незнакомо сияющим лицом.

Иногда мама пыталась растормошить меня, уговаривая отдохнуть и развлечься, но чаще раздраженно упрекала в отсутствии стремлений и интересов. Она отдалилась от меня и, наверное, впервые в жизни тяготилась моей близостью. «Рядом с тобой не только радоваться — рядом с тобой даже дышать тяжело», — как-то раз сказала она.

А через некоторое время мама сухо сообщила, что выходит замуж.

С маминым женихом я так и не познакомилась. Кажется, он обиделся, но мама что-то объяснила ему про мой трудный и нелюдимый характер.

После свадьбы мама переехала к новому мужу. Я осталась одна.

Вечерами я часто плакала. Я вспоминала свое счастливое детство, улыбчивую девочку с разноцветными бантами в косичках — «мамину ладось Натасику Каласеву». Вспоминала тот ужасный день, когда зазвонил телефон, и от моей семьи ничего не осталось.

Мне было очень плохо.

Я казалась себе никому не нужной игрушкой — когда-то любимой, а теперь заброшенной в угол. Я так думала — и захлебывалась слезами обиды и жалости к себе.

Чего же я хотела? Хотела ли я снова стать маленькой, вернуться в беззаботное детство, когда папа и мама еще были вместе? Но детство давно кончилось. Бабушка умерла, а папа с мамой обрели счастье в новых семьях и не собирались возвращаться обратно.

Что случилось тогда, много лет назад, когда они развелись? О чем они не смогли договориться? И пытались ли? Было ли у них что-то по-настоящему общее, кроме меня? Были ли они счастливы вдвоем? И если нет, то тогда никто не предатель и никто не виноват больше другого...

Мама. От кого или от чего ты спасалась в нашей с тобой любви? Почему теперь, после всего, что я для тебя сделала, ты так легко оставила меня в одиночестве? Разве теперь не твоя очередь отказываться от счастья — как сделала я когда-то? Как мне жить — теперь, когда я никому не нужна?

Я не хотела умирать. Я не могу точно сказать, почему я это сделала. Наверное, потому, что мое отчаяние было слишком сильным, и я больше не могла с ним справляться. Я хотела только одного — отключиться, перестать думать и чувствовать, я хотела немедленно, любым способом прекратить эту боль.

Я выпила таблетки, которые смогла найти в бабушкиной аптечке. Это было снотворное — последнее время она плохо спала.

К счастью, все обошлось — испугавшись, я успела вызвать скорую помощь и открыть дверь, а они успели приехать и проделать со мной все нужные процедуры.

Потом я собрала документы и вещи, и мы поехали в больницу.

Я слушала вой сирены, видела отблески мигалки и, как ни странно, была почти счастлива.

Я, маленькая *Натасика Каласева,* любила маму искренне, от души, целиком. Мы были так близки, что, кажется, и жизнь жили — одну на двоих, «и в радости, и в горе».

Я делала это искренне, от души — как любой ребенок.

А сейчас — с удивлением смотрю на себя. В зеркале — *мое* лицо, *мои* глаза, *мое* тело. *Мои* мысли. *Мои* чувства. *Мои* планы и *мои* интересы.

Там, где раньше была только мама, теперь начала появляться и *я*.

Мне немного страшно — но и здорово. Сердце замирает как на вершине, — когда взгляду открывается даль, открывается множество путей, множество дорог. Это *мои* дороги. Я пойду по ним *сама*.

Неужели я все-таки выросла?

Мы подъезжали к больнице. В моем теле не было сил, в голове плескалась пустота, но в этой пустоте билась единственная мысль: все будет хорошо. Вот теперь все будет хорошо.

Юлия Владимировна Корчагина,
кандидат психологических наук,
клинический психолог
наркологического диспансера № 3
Москвы, старший научный сотрудник
Московского гуманитарного
педагогического института

Фото В. Воронова

Голоса из мёртвой деревни

Людмила Самойлова

Я часто раздумываю о терпении, которому учила меня Надя. И поневоле приходит на ум рассказ об огромном количестве терпения, которое пришлось выдюжить Баранихе, когда она рожала Татьяну. Ребеночку не прикажешь, когда ему идти на белый свет. Вот и Татьяна решила появиться весной в половодье. Асфальта еще не было. Черничка разлилась. Поняла Бараниха: не приедет машина. Надела резиновые сапоги повыше и пошла на большак. Выгребала из грязи да из воды, пока вышла. Сидит, терпит. Куда денешься. Скорая так и не приехала, какой-то шофер довез. Холодная талая вода даром не обошлась. Заболело у Баранихи ухо. Чем дальше, тем больше. В местной больнице вылечить не могут, но советуют: у вас родная сестра в Ленинграде, она поможет. Поехала Лида к сестре. А врачи объясняют: «Сестра-то родная, а лечить мы вас не можем, нет у вас прописки. И поехала Лида с больным ухом восвояси. Пришла к хирургу, он уложил ее на стол. Навалились на нее здоровые мужики, и стал он сыпать ей в ухо сухую соль: «Ох и закрутилась я, взвыла от боли, разметала всех, кто навалился». Ухо постепенно перестало болеть. И слышать тоже перестало. Теперь Бараниха просит: «Иди с левой стороны, а то правое ухо ничего не слышит». Ох и много Лиде пришлось пережить и перетерпеть. Но, поневоле думается ей, хорошо бы внучкам жить во Владимире или Нижнем Новгороде, там, где не сыплют в больное ухо соль, а хорошие врачи делают правильно свое хорошее дело.

А у Лиды терпеж в один день закончился. Сажали колхозную картошку. Лида небольшую сумку себе и прихватила. Это хорошо, когда не пойман — не вор, а Лида идет к дому и видит: двое приготовились ее излавливать — родная сестра Надя, звеньевая, и председатель колхоза. От того ли, что никогда домой ничего она не прихватывала, от того ли, что пошла в голове круговерть: «Одну за карман зерна в тюрьме сгноили, а продавщицу в Левенде наголо за недостачу остригли да заставили в клубе всем в ноги кланяться, прощения просить», бросилась она с сумкой в лес и бежала километров пять, пока не задохнулась, нашла большой камень, села, высыпала всю картошку и поплелась домой. Позже догадалась, что картошку под корьяжник можно было высыпать, а потом взять. Только не до того было. А дом она только-только, новьё, рядом с Надей поставила. И дом — «пряха», взойдешь, сердце веселит. И строила она этот дом вместе с мужем, чтобы прожить длинную жизнь в нем до старости. Тут тебе рядом и черника, и земляника, и грибы. Пойдешь подальше, и брусники, и ежевики, и клюквы наберешь. И до юбилея со ста лет работы недолго оставалось. А только опротивело все в миг. Продали они новый дом и по проторенной уже дороге отправились на птичник под Волгоград.

Тогда многие уехали в города. Карта всероссийская, а тогда всесоюзная: Караганда, Алма-Ата, Ленинград, Москва, Нижний Новгород, Владимир, Иваново. Что перечислять, огромное количество крестьян, получив паспорта, уехало в города. И города заполнились людьми с чуждой им культурой, с тоской по своей земле и с необходимостью доказать свое право считаться горожанами. Летом внуки наших бабушек шли из еще не разваленного клуба и громко орали: «Эй, вы, люди, хрен на блюде!» «Хрен на блюде», конечно же, относилось к местным. А они, приезжие, — горожане. Они и есть люди.

Случается так, что нет сил хоронить, молиться, поминать. Привязанность к человеку заставляет день его смерти провести в одиночестве. Так мы не смогли, не нашли силы увидеть мертвым Василия Федоровича. Помимо других дней, мы всегда заходили поздравлять его с 9 мая. Он был из молчунов. Но вот выпили по рюмке, и вдруг Василий Федорович яростно, не щадя эмоций, дискантом выкрикнул: «Я Сталина ненавижу. Он людей еще хуже грязи считал. Тысячами губил ни за что, ни про что». Помолчав, сказал мне: «Пойди на улицу, Николаича подожди. Я ему про войну хочу рассказать». Потом, когда мы уже шли в лес, муж рассказал: не пули и не голод его страшили, а страшили вши, которые он горстями выгребал из подмышек. Он был чистоплотным и брезгливым. В конце концов Василий Федорович решился и стащил в окоп труп немецкого солдата, снял нижнее шелковое белье и надел на себя. Оказывается, в шел-

Продолжение. Начало в № 4, 6, 8.

ковом белье вши не водятся, и потому его выдавали немецким солдатам.

Он был гордым и потому не принимал помощи. В последний раз мы видели его живым, когда он выносил из избы мусор. Сгорбленная фигура на дрожащих ногах. В тощих руках мотались два больших, что называется не по росту, ведра. Муж нагнал его на дороге к мусорке, но Василий Федорович отмахнулся. Так и осталась в памяти эта изогнутая, едва держащаяся за землю фигурка.

Я лежу с инфарктом в районной больнице. Пока разрешают только шевелить головой. Поэтому все, кто появляется из коридорных дверей, вызывают острый интерес. Информация ограничена. Послышались голоса: «Мама, осторожно, осторожно, мама», и ввели женщину моего возраста за шестьдесят, красавицу, с иконописным лицом, глубокими синими глазами. Она одета в траур. Меня поразила простота и красота одежды. Строгий глухой свитер с юбкой в два слоя, один выше другого. Они падали вниз легкими красивыми трубками, как будто эту юбку шили из шелкового органа. У нее был то ли микроинсульт, то ли сильный гипертонический криз. Правая нога почти обездвижилась. Катю дочка привезла из деревни Кудрино, где Катя делала поминальные девять дней по сыну. Сын, также как и дочь, жил в городе Рошали под Шатурой. Там его зарезал любовник жены. Точнее сказать, как мотылька, пришпилил к кровати. Она пьянствовала, корчила из себя Кармен, мужа не уважала настолько, что при нем приводила кавалеров. Один из них оказался уголовником. С Катей мы много говорили: о вере, о жизни, о том, почему она поминки устроила в деревне. Последнее мне было понятно и без слов. Ей хотелось настоящего моления, строгого обряда, хотелось быть среди своих. Почему-то мне представлялся парень с добрым сердцем, такими же большими, готовыми верить глазами.

К Кате я прикипела душой. Чем дольше она проживет, тем мне радостней. На второй день у нее на тумбочке появились Евангелие, Библия, Жития Святых, Иоанн Златоуст. Утро она начинала с тихой, очень скромной молитвы. Затем брала одну из книг и внимательно читала. День длился в разговорах о жизни и всевозможных рассказах. Никогда Катя не говорила о сыне. Эту трагедию она замкнула в душе. Единственное, о чем она мечтала, чтобы правая нога набрала силу, и она могла бы навсегда уехать из Рошали и доживать в своем Кудрино.

Ее через день навещала дочь на собственном навороченном джипе. И привозила массу еды. Дочь совершенно была не похожа на Катю. Бледное, изможденное, мятое лицо, одежда с претензией на модную, но рюши на груди и рукавах какие-то бесцветные и мятые, как и лицо. Как будто город взамен материальных благ ее лишил красок жизни. После ухода дочки Катя настойчиво угощала всю палату. Я говорю: настойчиво, потому что другие прятали еду в тумбочку и холодильник и приберегали для себя. Катино гостеприимство как бы призывало к ответному жесту. Проще было не угощаться, чтобы не угощать. Но отделаться от ее гостинцев было невозможно по простой причине: все чувствовали, что делиться входило в ее жизненный принцип, и потому этот принцип был пронизан той простой искренностью, от которой не отмахнешься.

Катин отец погиб на войне. Если в других домах нечего было есть, то в Катином и подавно. Катина мама приучала детей к труду по той причине, что еды хватало ровно настолько, чтобы выжить. «Люда, а ты пробовала весной кукушки, гоголь (у него ствол едят), куканы (они вылезают такими толстыми белыми остриями), щавель? Ой, сладко вспомнить. Вся эта трава у нас вместо конфет была. И как только сходил снег, ватаги ребятишек бросались разыскивать эту вкусноту. Наесться не наешься, но и живот вроде не совсем пустой. Меня внучка спросила: “Бабушка, ты была самой счастливой, когда какую куклу тебе купили?” Я ответила ей, что самой счастливой была, когда мы с мамой поздней осенью нашли на колхозном поле пять больших гнилых картофелин».

Катин брат Ванечка пошел трудиться в пастухи в семь лет. Еду ему носила Катя. Мама разваривала в кашу овес. Укладывала кашу в глиняный горшок, заворачивала в бумагу, а затем в платок, чтобы каша горячая была. (Сейчас я думаю, где она могла взять овес — только на колхозном поле. Значит, потихоньку набивала колосьями карманы. Раз не судили, значит, Бог и ее, и детей спас.) Собирает она Катю, дает ей одну деревянную ложку. Он работник, ему кашу и есть. А Кате наказывает: «Ты, Катя, к ложке не примащивайся, я не случайно, я специально только Ивану ложку посылаю. Ему надо есть, а тебе я найду еду, как придешь». Берет Катя узелок и в путь. Идет, идет, а каша пахнет. Сядет Катя на пенек и нюхает узелок. Нанюхается, встанет и дальше в путь. И так пока кашу Ване донесет, раза три на пенек присядет. А развязать да поесть ей и в ум не приходило. Принесет, даст ложку: «Ешь, Ваня». А Ваня в ответ ей: «Давай, Катя, по очереди. Одну ложку я, одну ложку ты. Ты поди шла, устала, ноги избила». И так он ласково уговаривал, что Катина воля незаметно испарялась. Садились они вокруг горшка. Ваня брал ложку, Катя следом, так горшок и съедали. Уж когда Ваня старым лежал в больнице с крупозным воспалением легким, а Катя сидела рядом с ним, вспомнили они эту историю, рассказывали друг другу и оба плакали.

Но бывают в детстве события, которые впиваются в душу вроде занозы. И эта заноза уходит все глубже и глубже. Беда в том, что ее влияние велико на жизнь и, что самое дурное, это событие заставляет уже взрослого человека делать поступки, как бы забыв про занозу. Вряд ли Катя отправила бы детей в город, если бы не это событие.

А дело вот в чем. Родной дядя привез Кате и ее сестричке из Праги в 45-м году по отрезу на платье. И не простые были эти отрезы, а волшебно красивые. Шелковые и переливающиеся маленькими звездочками. И девочки ждали, когда же застрочит машинка и когда они увидят себя в необыкновенной обнове. И вот однажды машинка застучала, и Катя с горестным удивлением узнала, что мама ей шьет платье из красного сатина, из такого, из которого шили флаги. А еще позже она увидела свою учительницу в черном шелковом платье с переливающимися звездочками. Она подошла к ней и попросила надевать это платье как можно реже. Вряд ли тогда она поняла, что мама вынуждена была сделать неравный обмен, чтобы для детей получить продукты, но скажите мне, какая еда сравнится для девочки, реально получившей мечту стать принцессой и затем потерявшей эту возможность? Нет, в деревне чудо было зачеркнуто раз и навсегда. И вполне возможно, уже взрослая Катя надеялась на город, в котором красивые магазины, чистые асфальтированные дороги, площадки для детей, красивые дома. И кто ска-

жет, может быть, город приветит ее детей и даст им шанс вырасти умными, стройными, красивыми, живущими в одном из таких красивых домов, какие видела Катя.

Славцево славилось колдунами. Легенда по сей день жива. Мы в Ляхах покупаем мужу теплую рубашку. Торгуют молодые ребята. «Вы чьи?» — «Славецкие». — «Ой, ой, ой, из колдунов». Нам изрядно уступили в цене и были рады, когда мы сели в машину и уехали.

Я заболела. На шее появилась огромная шишка. Пришлось ехать во Владимир в онкологическую поликлинику. Выяснилось, онкологии нет. Деревенские смотрели на шишку, покачивая головами. По утрам к нам то и дело приходила мерить себе давление Галя Морозова. Я так думаю, что заходила она не столько по поводу давления, но зная, что ее напоят чаем, и она свой диабет до отвала накормит вареньем. Галина мать Ольга, недавно умершая, была известна как одна из сильных колдуний. От нее и Галя выучила разные заговоры.

«Ты меня чаем поишь, а я твою шишку вылечу. Главное, запоминай:

Матушка сыра земля, святая вода,
Батюшка огонь,
Бог солнца Антон
И Пресвятая Троица,
Простите, исцелите рабу Людмилу
За все ее прегрешения и беззакония,
Исцелите от скорбей, болей, ото всех болезней
И благословите на весь день и на всю ночь.
Аминь, Аминь, Аминь.

А вот тебе молитва прямо против рака. Ты смотри, никому не рассказывай. Как скажешь, силу потеряешь. Ну, запоминай:

В городе Иерусалиме стоит дуб,
Возле этого дуба сидит Святой Зосима,
Видит Святой Зосима, ползет рак,
Спрашивает Святой Зосима: ты куда ползешь?
Ползу к рабе божией Людмиле.
Не ползи к рабе божией Людмиле,
Видишь, мертвецы умерли и замерли,
Так и ты, рак, замри у рабе божией.
Аминь, Аминь, Аминь».

Бедной Морозовой не помогли заговоры. Съел ее не рак, а диабет. Возможно, против диабета у нее заговора не было. Я же вылечилась тем лекарством, которое прописал мне доктор.

Веры как способности преображаться в любовь к ближнему, в добро наши деревенские не имеют, ни православные, ни баптисты. Но даже языческая вера дает возможность фокусировать энергию и добиваться цели, когда есть страстное желание ее исполнения. Жила-была старая Катюня. Нас она не любила, и потому мимоходом к сыну колдовала, посыпала наши цветы в палисаднике золой. Они скрючивались и погибали. Но Катюня не всегда была такой. Девочкой она не выходила из храма и молилась Богу денно и нощно. В 45-м году стали возвращаться фронтовики домой. А от Катюниного отца ни слуху ни духу. И стала Катюня молиться. И молилась она сорок дней. И на сорок первый день отец пришел. Оказалось, он был в плену. И по решенной кем-то своей участи должен был отправиться с эшелоном в Сибирь. В последний момент те, кто решали, отпустили двоих. Одним из них был Катюнин отец. По сей день я уверена, что Бог увидел детскую чистоту и услышал горячие слова ее молитвы.

Славецкие верят, что нет пустых слов. А каждое наполнено либо добром, либо злом и влияет на человека. И если человека круглый день будут крыть злыми словами, все равно что камни в него бросать, он заболеет. Так и Лида Малова, наша почтарка, выхудилась, поднялось давление, и неспроста. А потому, что все старухи с добром к ней не относились.

Не повезло ей. В то время пенсии удерживали, и ладно бы на месяц, а то на два, три. Вот Лида и решила: *«Все, бросаю работу, дома полежу, полежу, потом встану, поработаю. А тут индак одни пенсии всю душу вытрясут. Посчитать одну Дуську Коркунову, сколько кляла. Я летом по ее причине в больницу попала. Она перед этим за пособием ходила. Ей копейки дали. Вон откуда клянет. Четыре месяца. Оно отражается. А она, Дуська, сабля. Бегает по поселку и всем чудит: "Она в сберкнижке нарочно подписалась меленько-меленько. А сама вписала в мою сберкнижку: одна квартира, второй этаж". Ей кассирша в банке сказала: "Она у тебя в книжке расписалась, к ней и иди". Они там, в банке, обалдели от этих компенсаций. Вся округа в три часа ночи очередь занимала, вой стоял. А денег хватало на десять, а то и на пять человек. Я с сыном в одиннадцать вечера очередь заняла. Беру Машку Коркунову, Дуськину дочь, и идем к Дуське. Чего тут мелко написано, видишь? Вноситель Малова. А меня в 94-м году попросила наша пановская кассирша к их пяти рублям на книжке внести еще по пять рублей, чтоб книжки не ушли в архив. А вноситель любой может быть. Я и внесла тогда всем бабкам и Дуське-сабле по пять рублей. А она мне: "Тут двести шестьдесят рублей — компенсация". Говорю: "Тетя Дуся, ты хоть не умеешь, а все ж мозгами пошевели. Тогда тыщи были, а теперь твои двести шестьдесят рублей — 26 копеек. И подпись тут не квартира, а сокращенно первый квартал, не второй этаж, а второй этап. А сыну я купила квартиру не на втором, а на первом этаже. И не жди, чтоб тебе с пяти рублей за десять лет миллионы напухли". Объяснила. А проклятия все же остались, никуда не подевались.*

Иногда по дороге с почты я заходила домой поесть. А то пенсии потом долго раздавать. Коридор чистый был. Глядь, а под дверью белый лоскуток лежит. Восхожу с ним в избу. Смотрю, да и не лоскуток это, а мятый лист бумажки. А на нем химическим карандашом, где послюнено, поярче, а где еле видно, написано: Лидии Нико. Не Николаевне, а Нико. (Даже дописать не дописано.) Шутка плохая. Пятьдесят руб. улетели. Подписи нет. Ну, я сама думаю: сил хватило только Нико написать. Думать надо, из стариков. А я все считала и даже себе записывала. По пятьдесят рублей (они тогда при Павлове красненькие были) шесть штук, по сто — десять. Кому сколько дала, всё я помнила. Стала по старикам ходить и выспрашивать. Ходили, ходила, да и выходила. Жил у нас в Кузнецах дед Серёня, вор. Он на ту пору совсем старый был — 80 лет. Я всех опросила, кроме него. Он в последних остался. Беру с собой тетю Лиду. Говорю ей: "Ты как хочешь, я одна без свидетелей не пойду". Приходим. Я хорошо помню, по ведомости дала ему 280 рублей с каким-то шоблом. И спрашиваю его: "Дед Серёня, ты деньги тратил?" — "Нет, — говорит, — не тратил. Как положил, так и лежат". — "Доставай", — говорю ему. Он достал. И все они двести восемьдесят рублей, как он в ведомости расписался, целенькие лежат. А придумала эту записку его дочь Нинка.

У него извилина на это не шевельнулась бы. Она в одном направлении шевелилась: где чего стырить. И не только придумала, а от себя в собес жалобу написала. Выхожу я из автобуса, а Нинка откуда не возьмись тоже выходит. Идет она по дороге, щеки раздула и молчит. Если б силы собирала извиниться, уже собрала бы. Мое сердце не вытерпело, чуть не выскочило. Да и со словами: "Бессовестная ты. Видать, на пакости щедрая, а прощения попросить силенок не наскребла. Все на подлости источила". Она еще больше раздулась, а сама молчит. Уж я к себе в дом свернула, а она дальше молча пошла.

Ладно. Решила я эту проблему. Но злобность иха осталась еще пуще. Хотели меня умыть, да не вышло. Им обидно.

Или еще. Знаете Настену глухую. Она себя не слышит, а потому орет на всю деревню. А разозлится, уши зажимай. Это сейчас пенсии вовремя дают, а тогда по три месяца не давали. Летом пенсию разносишь как вор. Ждешь-пождешь сумерек, не увидал бы кто. Только Настю не проскочишь. Она ждет. Разведет руки и навстречу: "Ты пензию несешь? Не несешь? Смотри у меня. Я тебя уберу. Я тебя вынесу". И без нее на душе тошно, хоть и не виновата. А тут каждый божий день: уберу да вынесу, уберу да вынесу. Сегодня я гнилуха, а тогда яри хватало. "Дядя Вась, — говорю ее сожителю, — ты скажи ей: еще раз услышу про уберу да вынесу, я ее в тюрьму посажу. Ты меня знаешь, я слова на ветер не брошу". С того дня она замолчала. А злоба осталася. Она колдуна дочь. Ей от него частица перешла.

Нет, надоела мне эта почта. Я до нее на зонтах в гальваническом цеху работала. Мужиками командовала и не боялась. А тут как шестерка какая. Сегодня полегче стало. И на переводы деньги дают. А помните, вам перевод пришел. Вы чай две недели получить не могли. И не вы одни. Все не к начальству, а ко мне с кулаками. Ничего знать не хотим, давай! А я рожу, что ли. Я думала моей силы на век хватит. Вот, сколько у меня ее было. А эти бабки, как вурдалаки, всю вытянули».

Сейчас Лида бросила работу. И правда поправилась. Проезжаем мимо, видим, она с удовольствием аккуратно складывает дровеник. И кладет на руку здоровенную охапку дров.

Крестьяне, год из года ухаживая за скотиной и выращивая растения, не могли не заметить, что животные похожи на людей, и что земля пропускает из-под себя растения, а стало быть, нет непроходимой грани между тем, что над землей, и тем, что под ней. Как же не верить в превращения.

Женихался один. Вначале к Катиной дочке Тане. А потом переметнулся к Пашенькиной Татьяне. Только Катя достоверно решила узнать, правду ли люди бают. Как узнать? А просто. Обернулась она поросенком и за ним. Он в Пашенькину дверь нырк, а она пяточком стучаться. Вышел кто-то, взял жердину, да и отходил поросенка в основном по поросячьей морде. И никто бы не узнал, да только на другой день все заметили, что у Кати лицо в шишках и синяках. Еще Капотиха колдовала. Умерла. Как следует обычаю, схоронили. Идет Катя Мусатова с детьми к кладбищу за травой. И уж вблизи кладбища обернулись.

А их обгоняют четыре козочки. Белые-белые и в черных пятнах. Отродясь таких не бывало в Славцеве. И все четверо шасть через кладбищенский забор и скрылись там, где могила Капотихи.

Оформление Татьяны Касьяновой

(Окончание следует)

Ах, какие глазки

Виктория Лебедева

Три рассказа из этого цикла
были напечатаны в № 7 и 9.

Последний каприз

Маринка сидела за обеденным столом, положив подбородок на скрещенные руки, и наблюдала, как пластинка, пощелкивая, идет под иглой. Потом музыка обрывалась, и лапка проигрывателя с шипением соскальзывала в центр круга, стремительно скользила, упираясь в розовую наклейку с черной надписью «Мелодия». Маринка поднимала голову, распрямлялась и ставила лапку обратно, привычно целясь в последний лаково чернеющий ободок, — и все начиналось сначала. Там много чего было, на пластинке, но когда Маринке становилось по-настоящему грустно, она всегда крутила только эту музыку, а сегодня ей было грустно по-настоящему, потому что Лёшка, Лёшка... Маринка не знала, как назвать то, что он сделал, но было ей от этого поступка до того гадко, что не помогала даже эта нервная, всхлипывающая, летучая, пронзительная скрипка, поющая и в пятнадцатый, и в двадцатый раз — да все без толку.

— Господи ты боже мой! — Мама заглянула в комнату, вытирая мокрые руки о передник. — Да когда же это кончится, а?

Маринка даже головы не подняла.

— Марина, послушай... Марина, я к тебе обращаюсь!

— Угу, — промямлила Маринка.

— Битый час одно и то же, одно и то же... Скажи, тебе самой-то не надоело?

— Нет.

Игла опять спрыгнула к центру, и Маринка, тщательно прицелившись, запустила музыку заново.

— Хватит! Твои бесконечные капризы мне уже вот где!

Мама прошествовала к проигрывателю и повернула выключатель. Игла издала последний жалобный всхлип и замерла. Раздраженно откинув лапку, мама сдернула пластинку с круга.

— Да пойми же ты наконец! Я живой человек. Мне завтра отчет сдавать. А как, скажи на милость, его сдавать, если у меня уже сейчас голова раскалывается от этого бесконечного пиликанья?

— Никакое это не пиликанье! — огрызнулась Маринка.

— А я говорю — пиликанье! Это один раз музыка. Ну, может быть, два. А на двадцатый раз подряд — пиликанье. Слышать больше не могу! Клянусь, я вышвырну эту пластинку к чертовой бабушке!

— Да пожалуйста! — Маринка шумно вылезла из-за стола, нарочно громко провезя стул по полу.

Мама зло захлопнула чемоданчик с проигрывателем и понесла прятать на антресоли.

— Ничего, в тишине посидишь, — бросила она, уходя. — Меры в тебе нет, вот что...

А ведь еще утром Маринка чувствовала себя самой счастливой девочкой в классе! Дядя Юра, мамин новый ухажер, принес Маринке в подарок кассетный магнитофон — настоящий, японский. Эта коробочка была так мала, что помещалась в карман плаща, но если включить на полную громкость, заполняла собой всю комнату. А еще к ней прилагались маленькие пластмассовые наушники с серым поролоном, чтобы ушам было мягко, — и тогда можно было слушать записи одной, ни с кем не делиться. Дядя Юра принес еще целую коробку ярких импортных батареек, целых двадцать штук, и кассету с песнями на итальянском языке — самыми-самыми модными.

— Юрочка, ты ее избалуешь! — сказала мама, когда увидела. Но было видно, что ей приятно.

— Ничего не избалую, пусть девочка слушает, — ответил дядя Юра и долгим поцелуем поцеловал маму в губы.

Мама закраснелась. А Маринка была на седьмом небе от счастья.

Утром Маринка, невзирая на мамин категорический запрет, потащила подарок в школу — хвастаться. Ребята обступили ее, с восхищеньем трогали черную коробочку, с разрешения хозяйки жали на кнопки, крутили громкость, подпевали модным итальянцам. И даже когда за спиной слышался чей-нибудь завистливый шепоток, — мол, ничего себе, повезло очкастой, — Маринке было совершенно не обидно. Она ведь понимала — сегодня это не со зла, а так, от полноты чувств. Ни у кого в классе не было такого прекрасного магнитофона.

А после уроков Лёшка и Сашка неожиданно вызвались провожать, и Лёшка даже понес ее сумку до самого подъезда, так что Маринка была вовсе на седьмом небе. Лёшка ужасно много говорил — про то, что он раньше думал: Маринка такая, а она, Маринка, совершенно другая. Сашка поддакивал, Маринка шла ни жива ни мертва и чувствовала счастье настолько полное, что едва слушала Лёшку, — ей и так было хорошо. Поэтому у подъезда, когда стали прощаться, она не сразу поняла, о чем он просит.

— Ну так что, подаришь? — с надеждой спросил Лёшка, возвращая Маринке тяжелую сумку с учебниками.

— Что подарю? — очнулась счастливая Маринка.

— Ну, этот... Магнитофон-то свой?

— Как... Как это — подаришь?

— Ну тогда хоть поносить дай. Ненадолго, на недельку всего. Я не сломаю, честное слово!

Признаться, Маринка не нашлась, что ответить. (И теперь это мучило ее отдельным пунктом — надо было послать его, да и всё, но нет, не послала, язык не повернулся.) Она долго смотрела на Лёшку сквозь очки, точно увидела его в первый раз, а потом развернулась и молча пошла к подъезду, даже «пока» не сказала.

— Ну и дура! — зло сказал Лёшка ей в спину. — А ведь я с тобой дружить хотел. А ты какую-то пластмассу пожалела.

— Да что с косой взять? — добавил Сашка. — Пошли отсюда!

В глазах у Маринки уже закипали злые слезы, и поэтому она не могла обернуться, крикнуть этим дуракам, какие они подлые гады, — только дверью подъезда хлопнула покрепче, чтобы поняли, и пулей взлетела к себе на второй этаж.

Дома Маринка, еще не раздевшись, побежала прятать новый магнитофон в шкаф, под простыни и полотенца, чтобы никто никогда не нашел, а когда немного

успокоилась, сняла с антресолей старенький проигрыватель и стала слушать любимую пластинку — лишь бы только не плакать, не плакать.

Она полюбила эту мелодию еще в детском саду, в старшей группе, когда на музыкальные занятия пришла комиссия и стала выбирать детей, которые годятся в музыкалку. Возглавляла комиссию строгая пианистка в черном платье, с нею были еще толстый дяденька с трубой и ослепительно красивая девушка с распущенными золотыми волосами и черным кожаным футляром. Сначала всех по очереди вызывали к пианино и проверяли слух. Маринку хвалили больше всех. А потом начали знакомить с музыкальными инструментами. Строгая главная пианистка взмахивала над клавишами белыми полными руками и играла бодрые марши и задорные полечки, спиной помогая мелькающим рукам и близоруко щурясь в ноты; толстый дяденька трубил громко и пронзительно, смешно раздувая розовые гладко выбритые щеки. А потом девушка открыла свой футляр и вынула скрипку.

— Дорогие дети! — ласково сказала девушка. — Скрипка — самый прекрасный, но и самый сложный инструмент. Чтобы научиться играть на ней, нужно упорно трудиться каждый день — ленивый человек никогда не заставит ее петь. Зато человек упорный и талантливый может сделать так, чтобы скрипка не только запела, но даже заговорила человеческим голосом. Таким был итальянский скрипач-виртуоз Николо Паганини. Он владел инструментом так хорошо, заставляя свою скрипку говорить человеческим голосом и плакать как дитя, что его даже обвиняли в сделке с дьяволом. Однажды, когда враги и завистники испортили его инструмент, ему пришлось играть на одной струне целый концерт. Но Николо Паганини был так талантлив, что справился с этой невозможной задачей.

Дети слушали, притихшие, а девушка продолжала.

— Сейчас, дети, я сыграю вам 24-й каприс Николо Паганини. Не целиком, целиком вы его пока не поймете, — только самые первые музыкальные фразы. Несколько раз. А вы послушаете и скажете, что они вам напоминают.

Девушка прикрыла глаза, склонила голову на бок, прижимая скрипку щекой, и заиграла. Маринка сидела завороженная, пытаясь

уследить за порывами смычка, а он так и мелькал и, кажется, вовсе не касался струн. Музыка зарождалась как бы из воздуха, а скрипачка ловила ее тонкими подвижными пальцами и забирала себе, прятала под опущенные веки, под щеку, прижатую к корпусу, и Маринке было страшно, что вот сейчас она всё заберет и больше ничего не останется.

Музыка оборвалась, красивая девушка осторожно опустила скрипку. Коричневое глянцевое тело снова легло в футляр, на красный бархат.

— Внимание, внимание! — воспитательница похлопала в ладоши. — Ну-ка, давайте ответим нашим гостям, на что эта мелодия похожа?

Дети стали тянуть ручонки, даже привставать с места.

— Так бабочка летает! — громче всех выкрикнула Иришка, не дожидаясь, пока ее вызовут. Девушка улыбнулась.

Однажды, на музыкальных занятиях, когда детям играли веселые музыкальные пьески, кто-то сказал про бабочку и его похвалили. С тех пор прием действовал безотказно и вопрос был только в том, кто успеет быстрее сказать про бабочку. А Иришка была шустрая девочка.

— Спасибо, Ира, — строго сказала воспитательница. — Кто еще хочет сказать? Стасик?

— Нет же, нет! Это когда метель зимой! — возразил Стасик.

— Верно, — опять улыбнулась девушка.

Только Маринка сидела тихо-тихо, руки не тянула. Она не знала, что напоминает ей эта музыка, но говорить о ней было почему-то неловко. И даже слушать, что другие болтают, неловко. Маринка заткнула уши.

— Ну-с... Теперь переходим к главному. Сели, ручки положили на коленочки, — сказала воспитательница и кивнула строгой пианистке. — Прошу вас, продолжайте.

Пианистка заглянула в список и назвала несколько фамилий, в том числе Маринкину.

— Те, кого назвали, выйдите к инструменту, — велела воспитательница.

— Дорогие дети! — сказала строгая пианистка. — Вы приглашены заниматься в нашей музыкальной школе. Обязательно скажите об этом своим мамам и папам, не забудьте.

— Я всех оповещу, не волнуйтесь, — заверила воспитательница.

— А теперь самое главное, — продолжала пианистка. Вы сейчас можете подойти и посмотреть поближе на инструменты, которые мы вам принесли, и выбрать тот, который вам по душе. Да, в школе есть еще баян. Все видели баян?

— Да! Да! — недружно загалдели дети, и воспитательница на них цыкнула.

Мальчишки сразу прибились к трубачу — ведь труба не просто так, с ними военный оркестр выступает; девчонки собрались около пианино и стали тыкать пальцами по клавишам. Маринка осторожно подошла к скрипке и робко погладила ее одним пальцем.

— Нравится? — улыбнулась девушка.

— Ага... — выдохнула Маринка.

— Хочешь смычок подержать? На, бери!

Маринка двумя пальцами взяла смычок. Он оказался тяжелее, чем она думала, и едва не выскользнул на пол. Девушка опять улыбнулась.

— Ну, не бойся. Крепче держи! А знаешь, из чего он сделан?

Маринка замотала головой.

— Из конского волоса. Ну как, придешь ко мне учиться?

— Приду, — прошептала Маринка.

Весь вечер она только и говорила, что про скрипку, — все уши маме прожужжала. Всё-всё рассказала — и про конские хвосты, и про человеческий голос, и даже про дьявола. И мама, что-то такое в уме подсчитав, согласилась: чем болтаться без дела, уж лучше пусть Маринка займется музыкой, тем более что вон она, музыкальная школа, через два двора, а скрипка все-таки не пианино, стоит недорого. И Маринка несколько дней засыпала счастливая, мечтая, что она будет много-много заниматься и тоже научит скрипку говорить, как Николо Паганини.

А потом, конечно, случилась катастрофа. И опять, конечно, из-за глаз.

Едва взглянув на Маринку, директриса из музыкалки что-то такое заподозрила и отправила их с мамой к глазному за справкой, а глазной справку не дал. Еще и маму отругал, что глупость такую выдумала — у ребенка глаза и так в разные стороны, а тут еще коситься будет, шею вывернув, что же через несколько лет получим?

Маринка рыдала два дня. Мама ругалась. Директриса приглашала Маринку хоть на фортепьяно учиться, такой слух хороший. А мама возражала, что она еще воровать не научилась — пианино покупать. Директриса обещала, что пусть Маринка прямо в школе занимается по первому времени, пока денег не накопят, мама вздыхала громко, мол, где тут копить, пару ботинок девочке купить не могу, а Маринка твердила: не хочу, не хочу на пианино, хочу на скрипку, и так все время, пока мама не разозлилась окончательно и не вкатила ей затрещину. После затрещины Маринка неожиданно перестала плакать, но промолчала долгую неделю.

— Марина, не молчи! — ярилась мама. — Надоели твои постоянные капризы!

Но Маринка молчала. Мама не понимала, нет. А это был не каприз, совсем-совсем не каприз.

Со временем история забылась, конечно. Маринка заговорила с мамой и больше не просилась ни в музыкалку, ни в кружки, ни в спортивные секции — никуда. Ведь если никуда не проситься, тебя и не прогонят. В третьем классе ее приняли солисткой в школьный хор, и это было здорово, но все-таки не скрипка. В утешение мама однажды подарила Маринке пластинку с произведениями Паганини, о чем уже сто раз пожалела, слушая после восьми часов работы бесконечный 24-й каприс, который дочка гоняла подряд, когда бывала в плохом настроении.

И вот теперь проигрыватель конфисковали. Маринка не заплакала, нет. Даже не разозлилась. У нее ведь был новый магнитофон, да еще с наушниками. «Вот приедет дядя Юра, — решила Маринка, — и перепишет мне с пластинки на кассету. Буду слушать, сколько захочу. И ничего мне мама тогда не сделает». А Лёшку она решила больше не любить. Ну его. Раз ему одни магнитофоны нужны, а не люди.

Ах, какие глазки

В город переехали в начале декабря, сразу после маминой свадьбы. Маринкин отчим, дядя Юра, был хороший человек. Он никогда не ругался, а наоборот, все время шутил, даже мама как-то подобрела. Новые одноклассники тоже приняли Маринку неплохо. Никто к ней не цеплялся. Впрочем, особенно и не расспрашивали — новенькая и новенькая, подумаешь. Все они были друг другу немножечко новенькие, их собрали в девятый сразу из трех восьмых, и за три месяца они еще не успели как следует привыкнуть друг к другу.

Прошла неделя, другая. Все было чинно-мирно. Маринка училась прилежно, на уроках отвечала бойко и уже почти подружилась с соседкой по парте.

Следующим уроком была геометрия. Маринка спускалась по лестнице, с третьего на второй, она еще не очень хорошо ориентировалась в этом здании и вот опять заблудилась, отстала от одноклассников и боялась, как бы не опоздать. Навстречу поднимались парни из десятого. Впереди шел высокий, широкоплечий. Его вьющиеся черные волосы были слегка взлохмачены, лацкан пиджака запачкан мелом, на потрепанной сумке шариковой ручкой нарисован жирный знак AC\DC, как положено, с молнией посередине. А глаза были светло зеленые, ясные — Маринка невольно залюбовалась. И AC\DC она тоже любила.

Неловко было так вот пялиться на незнакомого парня; она опустила голову и шагнула поближе к стеночке, чтобы обойти десятиклассников. Не тут-то было. Зеленоглазый широко раскинул руки, загораживая проход.

— Ты что? Пусти! — Маринка попыталась проскользнуть мимо, но сильная рука упиралась в стенку на уровне Маринкиной груди, проход был закрыт.

— Ка-акие гла-азки! — присвистнул зеленоглазый. Остальные заржали на всю школу.

Она размахнулась портфелем и со всей силы врезала зеленоглазому по плечу. Рука его тут же соскользнула, освобождая дорогу, и Маринка бросилась вниз по ступенькам.

— Дура ненормальная! — крикнул вслед зеленоглазый, потирая ушибленное место. — Синяк же будет!

Геометрию Маринка прогуляла. Она ревела в туалете на втором этаже и боялась посмотреть в зеркало. Косая! Косая и есть! Когда же они отвяжутся и оставят в покое ее глаза, мало ей было в той школе?! И вот опять...

За ужином она неожиданно попросила маму сводить ее к офтальмологу. «С чего бы это?» — взволновалась мама. Уже второй год лечение было отменено.

— У тебя что, глаза болят? — допытывалась она. — Или ты стала хуже видеть?

— Так, для профилактики, — отмахивалась Маринка. Но мама ей не верила.

Мама это любила — тревожиться. Дай только повод. Она сразу стала звонить знакомым и подыскивать хорошего врача, ведь от старой поликлиники уже открепились из-за переезда, а в новую на учет не встали пока.

Поздно вечером, на всякий случай заперев свою комнату на крючок, Маринка все же решилась подойти к зеркалу. На первый взгляд всё, казалось, в порядке — в глазах был только испуг, но смотрели они вроде ровно. Хотя... Маринка вглядывалась все пристальнее, отражение стало двоиться, от напряжения навернулись слезы, и вот уже ей казалось, что левый смотрит немножечко в сторону. Вконец расстроенная, Маринка забралась под одеяло с головой и еще долго не могла уснуть. А глаза у нее были красивые, правда. Большие, четко вычерченные, глубокого и чистого серого цвета, в густых и мягких ресницах, изогнутых кверху. Только она этого не замечала. Она много чего не замечала в себе. И перед зеркалом вертеться не любила. Как-то свыклась с мыслью, что ничего хорошего оно не показывает, так, расстройство одно. Вот и упустила момент, когда ее пухленькое рыхлое тело волшебным образом перестроилось и перекроилось, обозначив тонкую талию, маленькую красивую грудь, покатые женственные бедра. Да и как их было заметить под свободными брюками, под широкими бесформенными футболками и свитерами, за которыми она привыкла прятаться? А утром она, сонная, собиралась не глядя и не могла видеть, как ловко сидит на ней коротковатое форменное платье.

К врачу записались на следующую неделю, так долго! Все это время Маринка была сама не своя. Она уже готова была к тому, что очки пропишут снова, видно такова ее горькая доля — на всю жизнь остаться «косой».

Мама очень переживала и трогала Маринкин лоб в ожидании температуры. Но нет, температура была нормальная. От этого становилось маме еще беспокойнее, когда смотрела она на ссутуленные Маринкины плечики, на вселенскую печаль во взгляде. К тому же Маринка почти перестала есть. А вдруг это что-то серьезное?

В школу Маринка пока не ходила — мама решила на всякий случай подержать ее дома, от греха подальше.

— Ну-с, на что жалуетесь? — спрашивал глазной.

Это был пожилой дедушка, с виду очень добродушный, и Маринка немного расслабилась. А мама тем временем рассказывала де-

душке историю болезни, шуршала какими-то прошлыми выписками и справками, завернутыми для пущей сохранности в целлофан, перескакивала с пятого на десятое.

— Так-с. Понятненько. Ну, давайте посмотрим! — прервал ее дедушка. — Пожалуйте, барышня!

Сначала ее прогнали по всей таблице, с первой до последней строки. Потом бдительно заглядывали в глаза, светя в них резким желтым фонариком, от которого хотелось немедленно зажмуриться и все вокруг шло черными медленными пятнами, точно машинное масло пролили в лужу. Когда осмотр был закончен, дедушка долго что-то писал в новенькой карточке, склонив седую голову почти до самого стола, и Маринка сидела, зажмурившись, ни жива не мертва — она сильная. И взрослая. Она готова.

— Нуте-с, барышня, вот что я вам скажу! — дедушка прекратил писать и весело смотрел теперь прямо на Маринку. Глаза его тоже улыбались. — Мне бы такое зрение! Но, конечно, возраст. Сами понимаете. Ну что же вы грустная такая? Все ведь хорошо!

— Так, значит, лечиться больше не нужно? — радостно засуетилась мама.

— Ну что вы, мамочка, какое лечение? Глазки хорошие, ровные. Зрение единица.

Тут дедушка снова обратился к Маринке:

— А вам, барышня, советую не заниматься ерундой. Если у вас и есть проблемы со здоровьем, то уж со зрением они определенно не связаны. Так что — всяческих благ.

Маринка с мамой вышли в коридор. Это была взрослая поликлиника. Вдоль стен сидели чинные усталые люди, почти все в очках. Были еще один травмированный, с белой повязкой на голове. И никаких тебе детей с заклеенными стеклами, никакого шума и беготни.

— Но как же так? — удивлялась Маринка по пути домой. — Почему же тогда тот десятиклассник про глаза? — Ведь она никому в новой школе ничего о своей болезни не рассказывала, даже соседке по парте, так что и разболтать было некому.

Она успокоилась, но не вполне. Все это было как-то странно.

А перед каникулами устроили общую дискотеку. Дядя Юра с мамой подарили Маринке новое платье — совсем коротенькое, с открытыми плечами, и заставили его надеть, как она ни сопротивлялась. И еще мама научила, как накрутить волосы на бумажки, чтобы это смотрелось как настоящая взрослая завивка.

На дискотеке было весело. Музыку разрешили самую модную, какую ребята сами на кассетах принесут. Вокруг все подпрыгивало и крутилось в сполохах цвето-

музыки, а Маринка по обыкновению тихонько сидела в самом дальнем углу у сцены актового зала и тщетно пыталась натянуть короткую узкую юбочку на колени. Объявили медленный танец. Девчонки сразу засуетились, рассредоточиваясь по стеночкам, гул в зале перекрывал музыку. «Time after time I'll be yearning for you dime after dime...» — неслось из колонок. Маринка сидела, разглядывая пол под ногами, и тихонечко подпевала про себя — это была ее любимая песня.

— Привет, можно тебя? — Маринка подняла голову и увидела зеленоглазого. Он протягивал ей руку, приглашая.

Маринка отвернулась.

— Да что ты злая такая? Чего я тебе сделал-то?

Маринка пожала плечами:

— Так...

— А здорово ты меня портфелем тогда, на лестнице. Во какой синяк был! — зеленоглазый раздвинул пальцы, обозначая размеры бедствия. — Пойдем танцевать.

Он опять протянул руку, Маринка в ответ протянула свою, хотя и не собиралась, и они пошли в самый центр зала. Зеленоглазый с величайшей осторожностью обнял Маринку за талию и медленно повел в такт музыке; он был красивый, это зеленоглазый, очень-очень, Маринке сделалось жарко. Она чувствовала, как горят ее щеки. Хорошо, что в зале было так темно. Зеленоглазый склонил голову к самому ее уху и прошептал:

— Классное платье. Слушай, а за что ты меня портфелем-то?

— А чего ты... про глаза?.. — тихо спросила Маринка и отстранилась.

— А что тут такого? Глаза у тебя красивые, знаешь?

Маринка недоверчиво подняла голову. Зеленоглазый улыбался ей и прижимался теснее:

— Пойдем завтра в кино. Тебя как зовут?

Но Маринка не ответила. Она опустила ресницы и уткнулась лбом в широкое плечо. Они кружились в центре зала, прильнув друг к другу, а песня звучала и звучала, точно решила растянуться на целую вечность. Маринке было хорошо.

Хорошо и странно: ведь воевать, оказывается, было больше не с кем.

Иллюстрации С. Шведова и В. Дмитрюка

Мариэтта Чудакова

Про Щелкунчика и некоторых других

1.

«…Забили в литавры, затрубили в трубы. Все короли и принцы в великолепных праздничных одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах — потянулись на колбасный пир. Король встретил их с сердечной приветливостью и почетом, а затем, в короне и со скипетром, как и полагается государю, сел во главе стола. Уже когда подали ливерные колбасы, гости заметили, что все больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди. Казалось, его душой овладела сильная скорбь. Но когда подали кровяную колбасу, он с громким рыданием и стонами откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыв лицо. Все повскакали из-за стола. Лейб-медик тщетно пытался нащупать пульс у злосчастного короля, которого, казалось, снедала глубокая, непонятная тоска. Наконец после долгих уговоров, после применения сильных средств, вроде жженых гусиных перьев и того подобного, король как будто начал приходить в себя. Он пролепетал еле слышно:

— Слишком мало сала!

Тогда безутешная королева бухнулась ему в ноги и простонала:

— О, мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но взгляните: виновница у ваших ног — покарайте, строго покарайте меня! Ах, Мышильда со своими кумовьями, тетушками и семью сыновьями съела сало, и…

С этими словами королева без чувств упала навзничь».

Вот какие чувствительные люди жили в старину!

2.

Сказка Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» издавна была знаменита в России. Вообще считается, что в России Гофмана с 20-х годов XX века — да и до сего дня — любили даже больше, чем у него на родине, в Германии: родился он в немецком городе Кенигсберге, который уже полвека носит имя Калининград — то есть напоминает о советском деятеле Михаиле Ивановиче Калинине, мало чем себя проявившем (разве что тем, что Сталин отправил в концлагерь его ни в чем не повинную жену, а Калинин продолжал ему верно служить), а не о жившем там философе Иммануиле Канте или Гофмане.

На родине он был, однако ж, не только писателем, но и музыкантом, зарабатывал одно время уроками пения, был известным музыкальным критиком. Считается даже, что он сделал немало для правильной оценки Бетховена — и положил начало его углубленному изучению...

Фантастика Гофмана в России как-то пришлась по двору. «Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Повелитель блох» , «Песочный человек», которого называют *новеллой ужасов* ... А «Житейские воззрения Кота Мурра...»? Те самые, где в «Предисловии издателя» рассказано, что он, получив от приятеля некую рукопись, «был весьма и весьма удивлен, когда его друг признался ему, что рукопись сия вышла из-под пера некоего кота, отзывающегося на кличку Мурр, и что в манускрипте этом изложены житейские воззрения этого кота...» Этого мало — в заключение «издатель считает своим долгом заверить, что он лично познакомился с котом Мурром и нашел его чрезвычайно приятным молодым человеком, пресимпатичным и благовоспитанным».

Тут уж тот, кто успел к своим шестнадцати годам прочитать «Мастера и Маргариту», поневоле вспомнит кота Бегемота и хотя бы разговор его с Мастером, после того, как тот обратился к коту на «вы»: « — Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят “ты”, хотя ни один кот никогда ни с кем ни пил брудершафта». Ясно, что сочинения Кота Мурра были внимательно прочитаны в России, во всяком случае, Гоголем и Михаилом Булгаковым, — всеми любимый Бегемот состоит хоть и в далеком, но все же несомненном родстве с этим персонажем Гофмана. От кого же иного взял кот Бегемот свое забавное самодовольство, как не от своего далекого литературного предка? От того, кто в «Предисловии автора, для печати не предназначенном», пишет: «С уверенностью и спокойствием, неотъемлемо присущим истинному гению, передаю я свету мою биографию, дабы свет научился тому, как можно стать воистину великим котом, дабы свет признал, до чего я великолепен, и стал бы меня любить, ценить, почитать и даже благоговеть передо мной…»

Напомним еще, что вступление колонн русской армии в Дрезден и отступление французской гвардии Гофман внимательно наблюдал из чердачного окна. Некоторые считают, что именно эти наблюдения и дали потом поразительную точность батальных сцен в сказке «Щелкунчик и Мышиный Король».

...Эта сказка больше всего, пожалуй, и прижилась в России. Недаром на ее мотивы написал Чайковский свой знаменитый балет «Щелкунчик», который уже немало лет идет в Петербурге в постановке и изумительном оформлении знаменитого художника Шемякина.

Пересказать ее совершенно невозможно — надо читать самим всю подряд. Потому, прежде всего, что там внутри одной сказки — другая. И они между собой причудливо переплетаются. Вот рассказанный нами вначале эпизод с недостачей сала в королевской колбасе — это как раз из сказки о твердом орехе Кракатук и принцессе Пирлипат: вся судьба ее после ужасного колдовства королевы мышей Мышильды и ее семиголового (да-да, именно так!) сына зависит от этого ореха. А потом получается так, что в конце концов это колдовство переходит на того самого героя, который нашел орех, сумел его разгрызть (а всех, кто пробовал это сделать до него, «в полуобморочном состоянии уносили приглашенные на этот случай зубные врачи») и дал ядрышко принцессе! Она съела — и к ней вернулась красота. А безобразным по новому мышиному колдовству стал тот, кто ее расколдовал и должен был по обещанию короля жениться на ней. А теперь принцесса Пирлипат в ужасе отвергла его — она закрыла лицо руками и закричала:

— Вон, вон отсюда, противный Щелкунчик!

И его вытолкали вон.

Но участвовавший во всей этой истории звездочет вычитал в расположении звезд следующее: уродство Щелкунчика исчезнет, если, во-первых, он победит семиголового сына Мышильды, а во-вторых — «если, несмотря на уродливую наружность, юного Дроссельмейера полюбит прекрасная дама».

Сказку же рассказывает главной героине «Щелкунчика» Мари ее крестный Дроссельмейер. И Мари, слушая увлекательную и страшную историю, нисколько не сомневается (только никому не говорит), что искусный часовщик при дворе отца принцессы Пирлипат — это никто иной, как сам ее крестный и есть, старший советник суда Дроссельмейер, ко всему прочему — умелый часовщик...

Каждую ночь у нее идет своя жизнь, о которой не знает никто, кроме ее брата Фрица. А все началось с того, что на Рождество крестный, который умел своими руками делать всё что угодно, подарил всей семье замечательного человечка. «Правда, он был не очень складный: чересчур длинное и

Мари с удивлением заметила, что дверцы, обычно запертые на замок, распахнуты; ей хорошо были видно отцовскую дорожную лисью шубу, которая висела у самой дверцы. Щелкунчик очень ловко вскарабкался по выступу шкафа и резьбе и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре сзади на шубе. Он из всей силы дернул кисть, и тотчас из рукава шубы спустилась изящная лесенка кедрового дерева.

Из гофманиады Михаила Шемякина

— Не угодно ли вам подняться, драгоценнейшая мадемуазель Мари? — спросил Щелкунчик.

Мари так и сделала. И не успела она подняться через рукав, не успела выглянуть из-за воротника, как ей навстречу засиял ослепительный свет, и она очутилась на прекрасном благоуханном лугу, который весь искрился…

— Мы на Леденцовом лугу, — сказал Щелкунчик…»

И дальше в этом чудесном путешествии где она только не оказывается: у Апельсинового ручья, у Лимонадной и у Медовой реки — и в селе Пряничном, расположенном на его берегу. Щелкунчик сказал: «Народ в нем живет красивый, но очень сердитый, так как все там страдают зубной болью. Лучше мы туда не пойдем».

Они плыли в раковине, в которую были впряжены два золото-чешуйчатых дельфина, по Розовому озеру, и разные чудеса и диковины не переставали встречаться ей по дороге.

Но наутро дома, когда она стала рассказывать о своих ночных приключениях, ей не поверил никто. И она больше никогда никому о них не рассказывала.

«…Но волшебные образы сказочной страны не оставляли ее. Она слышала нежный шелест, ласковые, чарующие звуки; она видела всё снова, как только начинала об этом думать, и вместо того чтобы играть, как бывало раньше, могла часами сидеть смирно и тихо, уйдя в себя, — вот почему все теперь звали ее маленькой мечтательницей.

Раз как-то случилось, что крестный чинил часы у Штальбаумов. Мари сидела у стеклянного шкафа и, грезя наяву, глядела на Щелкунчика. И вдруг у нее вырвалось:

— Ах, милый господин Дроссельмейер! Если бы вы на самом деле жили, я не отвергла бы вас, как принцесса Пирлипат, за то, что из-за меня вы потеряли свою красоту!

Советник суда в ту же минуту крикнул:

— Ну, ну, глупые выдумки!

Но в то же мгновение раздался такой грохот и треск, что Мари без чувств свалилась со стула».

Когда же она очнулась, тут-то и произошло самое главное и самое интересное, о чем вы, надеюсь, прочитаете сами — когда будете читать *всю* сказку. Потому что в этом кратком о ней рассказе мы не упомянули множество интереснейших подробностей и эпизодов.

3.

плотное туловище на коротеньких и тонких ножках, да и голова тоже как будто великовата. Зато по щегольской одежде сразу было видно, что это человек благовоспитанный и со вкусом. На нем был очень красивый блестящий фиолетовый гусарский доломан, весь в пуговичках и в позументах, такие же рейтузы и столь щегольские сапожки, что едва доводилось носить подобные и офицерам…» И Мари вскоре становится ясно, что Щелкунчик-то — вовсе не бессловесная кукла, а племянник ее крестного Дроссельмейера, и что он к тому же — принц, заколдованный и превращенный в деревянного человечка злой Мышильдой… И каждую ночь идет битва — Щелкунчик защищает ее кукол от полчищ мышей. Все в доме считают, что никаких мышей в нем вообще нет. Только Мари знает, как всё обстоит на самом деле…

Щелкунчик очень подружился с Мари. И вот однажды ночью, когда она никак не могла сомкнуть глаз от тревоги и страха, «кто-то осторожно постучал в дверь и послышался тоненький голосок:

— Бесценная мадемуазель Штальбаум, откройте дверь и ничего не бойтесь! Добрые, радостные вести.

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула юбочку и быстро отворила дверь. На пороге стоял Щелкунчик с окровавленной саблей в правой руке...».

Он сообщил об очень важной победе над своими серыми врагами и предложил следовать за ним — тогда он покажет ей невиданные диковинки...

Мари ответила: « — Я пойду с вами, господин Дроссельмейер, но только недалеко и ненадолго, так как я совсем еще не выспалась». И Щелкунчик обещал выбрать кратчайшую дорогу к диковинкам.

«Он пошел вперед. Мари — за ним. Остановились они в передней, у старого огромного платяного шкафа.

4.

Особый интерес сказок Гофмана, не похожих ни на какие другие, — в причудливом сочетании правды и вымысла. Порой так до конца и не понять — что же происходило в реальности, а что — примерещилось или приснилось. Отсюда и выражение «Ну, это просто гофманиада!» Так обозначали нечто уж вовсе выходящее из ряда вон, событие реальное, но, однако, фантастическое по своей необычности.

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

Публикацию подготовила А. Раскина.

Продолжение. Начало в № 8 и 9.

Гале Кулаковской 7 с половиной лет, Саше Раскиной 2 года 4 с половиной месяца.

1 октября 44.

Пелась Саше колыбельная — нудная, бесконечная, усыпляющая:

Наши ножки спят,
И животик спит,
Носик тоже спит,
Наши щечки спят и т. д.

И заключительной аккорд:

На-ши гла-зки... спят...

Раньше Саша слушала безмолвно и, мало чего понимая, действительно засыпала. Теперь при слове «животик» она хлопает себя по животу и сообщает: «Вот он!» Услышав «щечки» — восклицает: «пухленькие!», «носик» — «лепешечкой» и т. д.

3 октября 44.

В школе Галю выбрали санитаром. (Кстати, я в школе тоже была санитаром). Учительница сказала:

— Хорошая девочка. Хорошо ведет себя.

Сегодня Галя рассказала мне такую неправдоподобную историю:

— Мама, сегодня нам в тетрадях ставили отметки. Я заглянула, вижу: стоит пятерка. Потом немного погодя опять поглядела, смотрю, не пятерка, а четверка. Наверное, кто-нибудь зачеркнул и переправил, да?

Маловероятную эту историю рассказывает несколько фальшивым голосом.

Уходя утром в школу, кровать свою не застилает. Места постоянного для занятий у нее нет. Рук перед едой не моет, никак не приучишь. Беспорядочна, но — не виновата. Семь нянек.

*

Саша, глядя на фотографию, где она снята вполоборота, спросила:

— А где другое ушко?

13 октября 44.

10-го октября Галя заболела ветрянкой. Начали читать с ней «Робинзона Крузо». Боимся, что и Саша схватит то же (ветрянку, а не Робинзона).

*

Саша видит в газете букву «**О**» и говорит: «Это мячик». (Галя говорила — колобок).

А про букву «**е**» сказала:

— Это сломанный мячик.

*

На вопрос: «Как тебя зовут?» Саша отвечает:

— Сашенька миленькая.

15 октября 44.

Саша ворчит старушечьим монотонным голосом: «У, тетя Оля — плохая, страшенная, хулиганка, страшенная, страшная, плохая...», т. е. награждает няню всеми эпитетами, которыми та награждала ее.

18 октября 44. Запись А. Б.

— Ты работай, а я буду лежать...

*

— Это что?
— Мясо.
— Дай мясо!
— Это сырое мясо.
— Дай сырое мясо!!!

*

— Папа пришла! (Вообще, всё в женском роде.)

*

— Мамочка Флидочка и папочка Шурочка!

22 октября 44.

— А где мама?
— В Туле.
— А что она там кушает?

В самом деле!

*

На днях проснулась ночью, часа в три. Повертевшись, затеяла следующий разговор со спящим папой:

— Папа, я хочу дива́ча! (одеваться).

— Что ты, Сашенька! Ведь ночь, темно, холодно. Все спят, и ты спи!

Большая пауза, папа засыпает.

— Папа Шура! Папа Шура!
— Да! Что?
— Я буду спать!
— Вот, молодец, умная девочка...

Опять пауза, опять спит папа. Все сказано и вдруг...

— Папа! Ну папа!
— А? Что?
— Я сплю!

(А. Б.)

23 октября 44.

С фронта приехал однополчанин Изи. Привез письмо и ребятам сгущенное молоко.

— Должен вам сказать, что ваш брат хоть и еврей, но очень храбрый человек! — сообщил он.

Что было делать? Гость: не выгонишь. Но я ответила резко, и он скоро ушел.

Все это было при Гале. Она смотрела и слушала, но ни о чем не спросила.

17 ноября 44.

Между Галей и Сашей происходит следующий диалог:

— Мама-Фрида моя, а не твоя! — вопит Саша.
— Нет, она и моя! — вопит Галя.
— Мама-Соня моя, а не твоя!
— Нет, мама-Соня моя тоже!
— Папа-Аба моя, а не твоя!
— Нет, папа-Аба мой!
— Папа Шура моя! — вопит Саша напоследок.
— Вот он действительно твой, и бери его себе, пожалуйста, — соглашается Галя.

*

Саша рассматривает книгу Брэма:

— Вот медведь, *который* живет в лесу.

18 декабря 44.

Галя занимается английским. Саша сидит рядом, сидит довольно чинно, только изредка прерывая свое молчание некоторыми деловыми замечаниями:

— Я не буду плеваться.

— Хочу водички попить.

— Покажи колечко.

*

Саша на днях вдруг обнаружила свою тень и сильно испугалась. Не хотела слезать с рук, даже плакала и сопровождала плач воплем:

— Боюсь тени, боюсь тени!

27 декабря 44.

Саше 2 года 7 месяцев.

Саша рассказывает сказку (лежа в кровати перед дневным сном):

«Ирочка, Ирочка! Я тебя застрелю!» Меняя интонацию: «А за что ты меня застрелишь? Ты меня не любишь? За что же ты меня не любишь?» Опять басом: «Потому что не люблю! Просто — не люблю!»

И он ее съел. Пузо у него стало большое-большо-о-ое. Потом пришла мамочка с ножом и разрезала ему пузо.

*

Шура собирается уходить: надевает пальто, шляпу. Саша некоторое время наблюдает за ним и наконец произносит следующую фразу — тоном удивления и упрека:

— А сидеть и работать?

*

Когда Шура целует Сашу, она всегда спрашивает: «А маму?»

Слыша по радио музыку, кричит мне: «Мамочка, давай тинтовать!»

11 января 45.

Каникулы Галя провела очень весело. Была на елке в Доме Ученых, у Кены [1], в Колонном зале Дома Союзов, в Союзе писателей. Кроме того, была елка у нас. Мы пригласили Эллу, Аленушку, Эдду [*дочь Н. Я. Галь* [2]. — А. Р.], Вову, Вадика [*соседи по квартире, ровесники, соответственно, Гали и Саши.* — А. Р.]. Пели, танцевали, читали стихи, играли. Галя вела себя очень хорошо, была настоящей хозяйкой — внимательной и гостеприимной. Не кривлялась, читала стихи и пела.

В Доме Ученых читал стихи какой-то противный маленький вундеркинд. Я отвернулась. Галя посмотрела с любопытством и спросила: «Ты от стеснения, да?»

За Аленушкой Галя ухаживала по-сестрински, старалась предупредить каждое ее желание. Очень любит Эдду, с нетерпением ждет встреч с нею. Во время каникул занималась — читала, писала, решала примеры. Мне сказала: «По радио сообщили, чтоб двоечники выделили по два часа в день на занятия. Я хоть и не двоечница, но заниматься все равно буду».

Елена Петровна сказала, что Галя отличница (несмотря на ее грязные домашние тетради): хорошо решает задачи, отвечает толково на вопросы, прекрасно читает. Все это очень приятно.

*

Саша говорит:

— Я рассердюсь.

или:

— Мама, папа спит?

— Да.

— Почему же он не храпит?

У Саши приступ навязчивой добродетели. Она с утра до ночи вопит: «Я не плачу, я не плачу!» или: «Я хорошая, я пью лекарство!», «Я не бью Вадика!», «Я не карябаю Гале щечку!» и прочее.

Внешне — день ото дня становится смешнее: настоящая Топси [*девочка-негритянка из «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу.* — А. Р.].

Выучилась у охальника Вадика разным гнусным словам и охотно употребляет их. Подражает Вадику во всем: читает стихи с его интонацией, даже плакать стала так, что не отличишь: он или она.

*

Елена Евгеньевна подарила Гале «Хижину дяди Тома». Сегодня Галя стала читать ее и заявила мне, что «не может оторваться».

*

У Саши большой популярностью пользуется сказка-быль об обжоре Алике, который съедал в день по шесть ташкентских бубликов — норму рабочей карточки.

Итак: «Вот садится Алик кушать. Вместе с ним садятся дети. Дети кушают картошку, каждый мальчик по картошке, Алик сразу шесть картошек. Дети кушают хлеб с маслом, каждый мальчик по кусочку, Алик сразу шесть кусочков», — и т. д. до бесконечности. Затем у детей заболевают животы. Приходит доктор, прописывает лекарство — каждому мальчику по лекарству, а Алику — шесть лекарств.

*

Саша отчетливо произносит свой адрес. На вопрос «Как твоя фамилия?» отвечает: Вигдорова (Видалава), Раскина и Морис Слободской [*соавтор А. Б. Раскина.* — А. Р.]!

Стала менее жадной: делится мандаринкой, яблочком, конфетой. Со скрипом, конечно.

*

Забыла сказать: Саша была на елке у Юры Галлая. Вела себя там очень достойно — не верещала, не ругалась. Облюбовала себе мальчика Мишу: увидев у него на костюме брошку-слона, все приставала к нему с вопросом: а он тебя не кусает? Когда играли в каравай, этот мальчик тоже не подкачал и выбрал Сашу: «Я люблю, признаться, всех, но вот эту больше всех». Шура был польщен.

*

Галя на елке получила много сластей. Я сказала:

— Смотри, не ешь все сразу, ты ведь это умеешь.

Она мягко возразила:

— Ты тоже умеешь.

*

Шура объявил Сашу больной, и бедная девочка вот уже больше недели ни за что ни про что сидит на диване без ботинок. Мечтательно глядя на окружающих, она говорит, немножко растягивая слова:

— Когда я вырасту большая, я надену ботиночки и буду ходить по полику...

Папа Аба, войдя в стиль, подхватывает:

— Где это видано, чтоб дети ходили по полу! Детям надо сидеть на диване и кашлять!

*

Садясь за стол, Саша говорит деловито:

— Сейчас будем кушать.

В еде стала разборчива. Пшенной каши не любит, требует рисовую. Очень любит мандарины. Однако на днях проявила широту натуры: вынула изо рта последнюю дольку и протянула мне.

30 января 45 года.

Перед сном Саша долго разговаривает сама с собой. Сама спрашивает, сама отвечает, иногда воспроизводит слышанные за день телефонные разговоры.

— Алло, это магазин? Мясо есть? А водка? Сегодня? А зайчики есть? А синие штанишки?

26 февраля 45.

— Саша, мама идет спать, Вадик идет спать, все идут спать. Иди и ты.

— Нет, я не пойду.

— Что же ты будешь делать?

— Я буду любить Галочку.

6 марта 45.

Саша видит, как папа обнял маму (или наоборот было: точно установить трудно), и говорит: «Я сама его люблю...»

У Саши была повышена температура. Ночью она жалобно плакала, вскрикивала, говорила, что боится звездочки и птички.

Папа ее уговаривал, что ни звездочки, ни птички — нет. Тогда она возразила страдальческим голосом:

— Я боюсь кого-нибудь!

31 марта 45. Запись А. Б.

— Папа, дай колбасу-у-у...

— Тебе нельзя.

— Почему?

— Потому, что ты маленькая, будет болеть животик. Вот вырастешь большая, будешь кушать колбасу.

— Папа, купи мне репку, я вырасту большая-пребольшая и буду кушать колбасу!

Видно, хитрый младенец думает примазаться к репке и расти с ней. И запоминает сказки.

(А. Б.)

*

Галя начала по совету бабушки Вали вести дневник. Первая запись от 19 марта гласила: «Сегодня я получила 5 с минусом и 5 с плюсом. 5 с минусом это за арифметику. А 5 с плюсом по чтению. И еще 4 за письмо. Потом я пришла домой и сделала уроки. Уроков нам задали немного. Потом написала письмо Изе. *Это мой дядя.* (Курсив мой! — Ф. В.)

У меня есть сестренка. Ее звать Саша. И еще мы прозвали ее Топси. Саша очень похожа на негра».

Запись вторая от 22 марта:

«У нас в школе много девочек. Но больше всего я дружу со старостой и ее помощницей. Елене Петровне очень трудно ладить с 55 девочками. 54 ничего ведут. Но 55-я ужасно мешает. Елена Петровна хочет выключить ее из школы. Но не удается. Все учителя ее знают. Она в урок бегает как в перемену. Ну и все. На сегодня хватит».

Фраза-пояснение: «Это мой дядя» напомнила мне вот что: как-то один литературовед, удрученный однообразными и слишком олитературенными рассказами-воспоминаниями о Есенине, решил обратиться к отцу поэта, ожидая от него по-настоящему наивного и непосредственного повествования. И старик начал свой рассказ следующей вполне литературной фразой: «Была темная осенняя ночь. Шел дождь».

Мне казалось, если восьмилетняя Галка примется за дневник, то станет писать без всякого расчета на читателя. Однако — нет.

— Зачем ты пишешь, что Изя твой дядя? Разве ты забываешь об этом? — спросила ее Елена Евгеньевна.

— Нет, это для чужих, — откровенно ответила Галя.

*

На днях за столом у меня произошел острый разговор с одним нашим гостем.

— Выпьем, Фрида, — сказал он, — и забудем все!

Я ответила:

— Обиду утопить в вине нельзя.

Галя, присутствовавшая при этом, заметила мечтательно:

— А в шоколаде можно...

*

Мама Соня сгоряча сказала Саше:

— Не ломай посуду, а то я тебе голову сломаю!

Саша ответила с большой обидой:

— Если сломаешь мне голову, я тебя любить не буду!

Очевидцы утверждают, будто при этом она еще погрозила кулаком.

Восприняла у Вадика гнусную манеру плеваться и произносить нецензурные слова. И еще одна отвратительная привычка: кто бы ни сидел за столом, что бы ни ел — в любое время дня, даже тотчас после еды, Саша начинает клянчить: «Дай! дай! картошечку! колбасу!» А если еще не успела разглядеть, то просто: «Дай *это*!»

11 апреля 45. Запись А. Б.

Я работаю, Саша лежит, но спать не хочет. Ей скучно. Изобретает разговор:

— Пап, а папа?

— Что тебе?

— Мне не больно.

(А. Б.)

Александр Раскин (слева) и Морис Слободской. Довоенная фотография.

15 апреля 45.

Рассказывать про Галку становится трудно. Тут уж не отделаешься перечнем забавных словечек. Уже совершаются поступки. И довольно сомнительного свойства притом.

Со стола учительницы Галя взяла свою классную тетрадь и вырвала оттуда страницы с отметкой 3.

Когда Елена Петровна спросила, кто это сделал, — она заплакала, но ответила:

— Не знаю.

У меня, когда я стала спрашивать, созналась мгновенно, но тоже кроме слез я из нее ничего не выжала. Из уст вырывались отдельные, довольно бессвязные слова:

— Там было грязно... тройки... кляксы...

Поклялась больше не повторять такого.

Завели новые тетради (домашние), выполняем домашние задания совместно, т. е. я наблюдаю.

22 апреля 45.

Саша угрожает Шуре:

— Если не дашь картошечки, я буду говорить *такие* слова!

— Саша, гадкая девчонка, не бей Вадика.

— Я не девчонка, я Сашенька, я хорошая девочка!

4 мая 45.

— Саша, вот банка, тут сгущенное молоко, а вот на банке мальчик нарисован, видишь?

— А мальчик тоже сгущенный? — спрашивает Саша.

*

— Галя, какую отметку ты получила сегодня?

— Четыре с минусом за письмо.

— Вот пробка! Вот дура старая! — восклицают одновременно мама Соня и папа Аба по адресу учительницы.

Заметим при этом, что папа Аба кандидат *педагогических* наук.

Я строго-настрого запретила Гале вырывать из тетради листы. На днях увидела, что из тетради по письму вырван лист. Объяснение последовало неслыханное:

— Это папа Аба вырвал. Я ему сказала, что ты не разрешаешь, но он ответил: ничего, мы потихоньку от мамы Фриды. А то очень уж грязный листок — лучше вырвать!

Папа Аба был допрошен и сознался. Поставлю в соответствующих инстанциях вопрос о снятии с него звания кандидата.

*

Галя очень много хнычет, чуть что — начинает разговаривать плаксивым тоном. Это очень раздражает, но я все вспоминаю рассказ Гарина-Михайловского «Исповедь отца». Если разыщу его, перепишу сюда целиком.

Он говорит: бывает, что у ребенка нервы болят. Надо переждать, пока они переболят. И не сердиться, не кричать... Только это трудно. Особенно, когда у самой нервы болят.

*

Шура натренировал Сашу, и она поет:

Бом, бом, тили-тили,
Папе пьесу разрешили.

А если спросить: «Кто разрешил?», Саша отвечает: «Наш славный лепертком» [*Репертком: Репертуарный комитет.* — А. Р.].

— А кто будет ставить? — Акимув. [3]

*

— Мама, дай я скажу тебе на ушко! — и при этом прикладывает свое ухо к моему.

7 мая 45.

Гале 8 лет 1 месяц. Саше 2 года, 11 месяцев, 20 дней.

Сегодня делали с Галей уроки. У нее было очень хорошее настроение. Быстро считала, легко решила задачку; написав 30 вместо 32, не захныкала, против обыкновения, а предложила сначала решить пример с цифрой 30, а потом уж дополнительно с 32-мя.

— Ты почему такая веселая сегодня? — спрашиваю.

— Я потому такая веселая, что в школе было очень интересно. Решали интересную задачу, читали интересный рассказ, а потом пели.

Учительница у нее, видимо, хорошая. Только зовет их по фамилиям. А нас Анна Ивановна всегда звала по именам. Потом однажды у них в классе был такой случай: у одной из девочек пропало 10 рублей. И учительница устроила обыск: перерыла у всех портфели, обшарила карманы. Я не знаю, как следует поступать в таких случаях, но твердо знаю, что Анна Ивановна ни при каких обстоятельствах обыска не стала бы делать.

Впрочем, что ж вспоминать Анну Ивановну — таких все равно нет. [4]

ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!

СЕГОДНЯ — 7 МАЯ!

Галино письмо:

«Дорогая моя бабуся! Вот и Шура едет в Ленинград. А меня опять не берут... Я так хотела тебя видеть. Бабуся! Сегодня радостный день! Война кончилась! Теперь кажется мы скоро увидемся. Целуем мы тебя все. Жилаем щастя и здоровя».

На этом месте Галю позвали купаться. Последние строки она дописывала торопясь. Ждем салюта...

Его не последовало. Взяли Бреслау. А салют в честь окончания войны — еще впереди.

8 мая 1945.

Сегодня Шура уехал в Ленинград. На это время Галя переселяется в нашу комнату. Безумный восторг, блестящие глаза и безудержная жажда деятельности: подметает, вытирает пыль, а ко мне обращается не иначе, как «мамочка милая».

Мы с Галей сидим в своей комнате: я пишу, Галя читает. Саша ломится в дверь, мы не открываем. Саша стучит, а потом начинает плакать и лицемерно подвывать:

— Хооочу к мамочке, к моей дорогоооой! Мааамочка, открой! Дорогаая, открой! Мамочка, пожааалуйста, открой!

«Пожалуйста» меня добивает, и я прошу Галю открыть дверь.

9 МАЯ — ПОБЕДА!

Весь день ребята провели на улице. Галка — та, вероятно, все запомнит.

13 мая 45.

Галя с презрением рассказывает о каких-то подлых девчонках и кончает так:

— Ну, они татары...

Долго толкую ей, что нельзя дурные поступки объяснять национальностью. Нет плохих народов.

— А немцы?

Стала ей рассказывать о Моцарте, Бетховене, немецких коммунистах и чувствовала себя преглупо.

*

Сегодня Саша с плачем повторяла няне:

— Вот приедет мой папа Шура из Ленинграда, я ему скажу, что ты меня обижала.

Сейчас проснулась и сказала совсем Шуриным — встревоженным — тоном:

— Вся потная.

16 мая 45 года. День Сашиного рождения.

Саше — 3 года. Черноглаза, смугла, очень забавна. Смешно разговаривает, но, мне кажется, она не очень счастлива, если это можно применить к трехлетнему ребенку. Она много плачет — воет, совсем как писал Гарин про своего младенца. Протяжно, монотонно и подолгу. И беспричинно как-то. А когда берешь ее на руки, прижимается к тебе всем телом, щекой к щеке, крепко обнимает руками вокруг шеи и может находиться в таком положении без конца.

На днях мы лежали в постели — я, Галка, Саша. Саша чихнула. Я сказала: «Будь здорова». А Галка сказала: «Болей!»

У меня произошел с ней по этому поводу короткий, но выразительный разговор. Даже шутить так нельзя.

Немного погодя Саша рассказывала маме Соне:

— Мы лежали на кроватке, я кашлянула, мама сказала — будь здорова, а Галочка сказала — болей.

Саша изложила эту историю трижды. Сегодня утром, придя к нам в кровать, притворно кашлянула и обратилась ко мне: «Мама, скажи: будь здорова!» Я сказала: «Будь здорова!»

Тогда Саша повернулась к Гале:

— А ты что скажешь?

*

О Шуре не спрашивает больше. Он послезавтра должен приехать. Интересно, как они встретятся.

18 мая 45.

Сегодня Галя принесла табель с отметками: переведена во 2-й класс. Мне бы тут же ее поздравить, а я посмотрела: вместо пятерок — четверки и стала ей выговаривать: почему во второй четверти все было отлично, а теперь только хорошо? и прочие скучные и ненужные вещи. Простить себе не могу! Она пришла радостная, оживленная, директор поздравил их с переходом во второй класс, а я-то...

Она сразу поникла. Я, опомнившись, обняла, поцеловала, поздравила ее, но, боюсь, ничего не исправила.

19 мая 45.

Дедушка, он же папа Аба, — был умнее меня. Он пришел, поздравил с хорошими отметками и переходом во второй класс. Галя ответила металлическим голосом:

— Что ж поздравлять, когда всё четверки.

А потом добавила:

— Я все свое старание приберегла для второго класса.

*

Саша говорит: «Хочу встречать своего папочку Шурочку!»

*

Корней Иванович [*Чуковский.* — А. Р.] сказал, что Саша «трагически похожа на Раскина».

20 мая 45.

Шура отметил свой приезд тем, что велел надеть Саше шерстяные рейтузы.

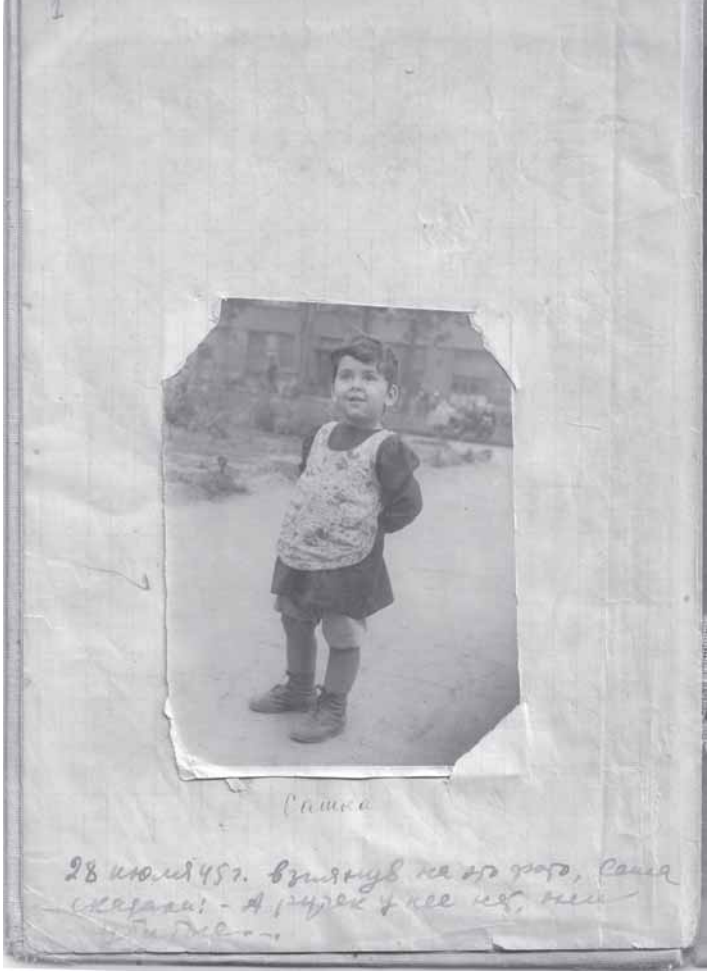
Запись А. Б.

Да, велел, поскольку ребенок простужен и в доме еще холоднее, чем на улице. Довольно глупо вышучивать правильные поступки. Это я пишу не для себя, не для Фриды и не для третьих лиц, а для самой Саши: когда будет старше, пусть понимает, кто о ней заботился, а кто нет. Папа.

(А. Б.)

16 июня 45. Удельная.

Перед отъездом в Удельную у нас с Галей был деликатный разговор: с нами вместе снимают дачу знакомые, очень гостеприимные люди. Я просила Галю не пропадать у них целыми днями, не мешать им. Она обещала. Она всегда очень легко обещает.



Саша. Лето 1944 г. Подписано рукой Ф. А.: 28 июля 45 г., взглянув на это фото, Саша сказала: — А ручек у нее нет, они убитые.

И все же, как только наверху обед или завтрак — она там. Снова разговаривала, объясняла, что нехорошо это, пыталась призвать на помощь самолюбие. И вот вчера, после того, как мы позавтракали, приходит Берта Львовна и приглашает Галю завтракать к себе. Галя умоляюще смотрит на меня. Я — с удивлением на нее: ведь ты только что ела?

А она в ответ:

— Ну что же я ела... одно яичко...

Берта Львовна:

— Ну, вот и пойдем: у меня рисовая каша, сгущенное молоко (!), пойдем скорее.

Галя опять смотрит на меня, видит, что я рассержена, краснеет, на глазах появляются слезы. Я пожимаю плечами, она некоторое время мнется, а потом идет. Была она сыта, перед приходом Берты Львовны отказалась доедать простоквашу, а яйцо ела без хлеба.

Можно найти всему этому невинное объяснение: там дети и с ними есть веселее. Но у меня из головы не выходят слова: «Ну, что же я ела... одно яичко...»

Очень противно.

*

Обе — и Саша, и Галя — выглядят чудесно: Саша смуглая, Галя румяная. Сашу остригли, она подурнела, очень похожа на жука. Галя, напротив, похорошела. Блондинка с карими глазами и очень длинными ресницами. И ямочкой на щеке.

Галя очень гордится мною. Когда я играю с детьми, или читаю им, или бегаю, она на всех смотрит почти победоносно и старается подчеркнуть наши родственные отношения. Ведет себя гораздо лучше, чем в Москве, спокойнее. О лагере и слышать не хочет. Если бы только не эта история с Бертой Львовной...

*

Саша:

— Мама, мне немцы всю спину покусали.

Речь идет о комарах. Все неприятное привычно связывается ею с немцами.

Ей тут хорошо. Не плачет.

*

От нечего делать я сообщила Саше, что главную роль в пьесе папы и дяди Мориса будет играть Юнгер (чтоб продолжить диалог «Бом, бом, тили-тили, папе пьесу разрешили»). Саша запомнила и, когда ее спрашивали: «Кто будет играть главную роль?», отвечала: «Юнгер».

Прошло несколько дней. Я снова спросила:

— Кто же будет играть главную роль?

Саша подумала с минуту и ответила:

— Кенгуру...

17 июня 45.

Я выгоняю из комнаты кошку. Саша горячо заступается за нее: «Ну, мама, ну, не надо, ведь она совсем маленькая, она ничего не понимает...», т. е. говорит все слова, которые произносят обычно в ее защиту: «маленькая, ничего не понимает».

23 июня 45.

Берта Львовна созывает своих ребят обедать.

— Галя, хочешь есть? — спрашиваю я.

— Вообще — нет, но с ними — хочу, — отвечает Галя со всей откровенностью, на какую только способна.

*

Мы сидим за столом и едим землянику.

— Съедим еще немного, а остальное я оставлю тете Оле, — говорю я.

— А я оставлю папе Шуре, — говорит Саша.

С минуту мы молчим. Сашина тарелка пустеет медленно, но неуклонно.

— А как же папа Шура? — спрашиваю я.

Саша отвечает вопросом на вопрос:

— Ты кому оставишь землянику?

— Тете Оле.

— Ну, а тетя Оля оставит папе Шуре.

*

Галя:

— А когда будет затемнение солнца?

*

— Ты гадкая и жадная девочка, — говорю я Саше.

— Я не буду с тобой водиться, если ты ругаешься, — отвечает она, плача.

13 июля 45.

Саша ест булку с маслом. Подходит Галя:

— Ты что кушаешь?

Саша делиться не хочет. Поэтому она предусмотрительно отвечает:

— Это гадость. Невкусно.

*

Берта Львовна воспитывает двоих чужих детей. Они любят ее, слушаются. Галя постоянно у них и принимает участие во всех делах — дежурит (убирает, моет посуду), играет, занимается.

Сказала мне вчера:

— Почему ты не разрешаешь много бывать у тети Берты? Ведь она делает меня хорошей. Даже тетя Оля (няня) говорит, что я стала хорошей.

(Продолжение следует)

[1] Кена Иосифовна Сондак, в замужестве Видре — младшая подруга Ф. А., литератор. Начиная с восьмидесятых годов К. И. Видре опубликовала несколько мемуарных статей о Ф. А.

[2] Нора Яковлевна Галь, ближайшая подруга Ф. А. — еще по институту, филолог, впоследствии известная переводчица.

[3] Николай Павлович Акимов, ленинградский театральный режиссёр. Ставил пьесу А. Раскина и М. Слободского «Звезда экрана», по которой авторами был написан сценарий вышедшего впоследствии фильма «Весна».

[4] Анна Ивановна Тихомирова — учительница, преподававшая в той московской школе (№ 14), где девочкой училась Ф. А. Вигдорова. Дружба, завязавшаяся между учительницей и ученицей, сохранилась до последнего дня жизни Фриды Абрамовны.

Бить или не бить?

О телесных наказаниях детей

Игорь Кон

Окончание. Начало в № 9.

В постсоветской России, с одной стороны, налицо заметное усиление критического отношения к телесным наказаниям, причем не только как к проявлению насилия и жестокости, но и принципиально. С другой стороны, обнищание людей и общая криминализация способствуют росту насилия также и по отношению детям. Отличить реальный рост от иллюзий массового сознания, склонного ностальгически идеализировать прошлое («Раньше все было хорошо, а теперь детей насилуют и избивают»), трудно. Коммунисты и демократы-западники говорят об ужасающем росте насилия над детьми, чтобы показать, до чего довел страну «путинский режим». Церковники и ультранационалисты используют те же цифры для компрометации «гнилого либерализма», «растленного Запада» и «лихих 90-х». А чиновники и депутаты вместо того, чтобы ответить, почему за годы их правления обращение с детьми ухудшилось, с помощью тех же данных доказывают, как сложны стоящие перед ними задачи и как истово они заботятся о детях своих избирателей.

Я не берусь оспаривать приведенные в начале этой статьи (см. № 9) цифры, но не исключаю и того, что часть из них — пропагандистские страшилки. Критиковать их не только трудно. Если ты скажешь, что цифры преувеличены, тебя сразу же обвинят в потворстве насилию над детьми. А если сказать, что эти цифры преуменьшены и что насилие над детьми, независимо от социально-экономического состояния страны и изменений законодательства, ежегодно растет, получается на только безнадежный пессимизм, но и «русофобия»: чего ждать от народа, состоящего наполовину из садистов?

Проводимые независимыми общественными и научными организациями массовые опросы кажутся более объективными, но в них тоже немало неясностей и противоречий.

Из респондентов Фонда общественного мнения (опрос 2004 года) не испытали физических наказаний 27 процентов, испытали — 40 процентов. «Били тем, что было под рукой», «Веревкой, палкой», «Крапивой или прутиком», «Офицерским ремнем». Однако показатели говорят о смягчении нравов: среди 18–24-летних непоротых оказалось 33 процента, а среди 55–64-летних — лишь 18 процентов.

В более позднем (2008 год) опросе о пережитых телесных наказаниях упомянул каждый второй, причем 16 процентов опрошенных наказывали часто, а 33 процента — редко. Мнение, что сегодня в России нет родителей, которые бы физически наказывали своих детей, поддержали лишь 2 участников опроса. Сравнивая сегодняшнюю ситуацию со временем своего школьного детства, 26 процентов опрошенных предположили, что сейчас детей физически наказывают реже, 17 процентов — что чаще, 17 процентов — что мало что изменилось; остальные затруднились ответить. Толкуют эти предполагаемые сдвиги также по-разному. Одни считают, что «раньше строже относились к детям», а сейчас их «больше жалеют, балуют». Другие говорят, что «изменились подходы к воспитанию»; «сейчас как-то не принято бить детей»; «нецивилизованные методы — так все считают»; «больше уговаривают». Некоторые видят в этом признак возросшего уровня педагогической и общей культуры родителей: «более грамотные родители»; «более педагогически грамотные»; «люди стали цивилизованнее»; «повышается культурный уровень». Другие, наоборот, считают их свидетельством невнимания, наплевательского отношения к детям: «безразличия больше со стороны родителей: чем бы дитя не тешилось…»; «взрослым не до детей, работают»; «вообще не заботятся о детях»; «их не воспитывают, они брошены по улицам, бегают по помойкам»; «наплевать на детей». Отдельные отвечавшие полагают, что причиной перемен в методах воспитания являются не столько родители, сколько сами дети: «дети сами не позволяют так с ними поступать»; «дети стали знать свои права»; «дети стали умнее, лишний раз их не тронешь»; «дети ранимы, очень грамотные сейчас, могут и отпор сделать».

По данным исследования, проведенного по заказу Фонда поддержки детей в апреле-мае 2009 года, на распространенность телесных наказаний в семье больше всего влияют два фактора: уровень дохода и уровень образования. Среди обеспеченных уровень распространения физических наказаний намного ниже, чем среди бедных (соответственно 40,1 и 62,6 процента). Более образованные респонденты реже применят физическое наказание, чем необразованные.

Одна из главных причин распространенности телесных наказаний в России — общая «притерпелость» к насилию, жертвами которой являются не только взрослые, но и дети. Самоописания разных поколений зачастую неразличимы. Вот как выглядит обмен опытом:

«Порют меня практически ежедневно! За плохую успеваемость, за редкостное курение, принятие алкогольных напитков, например, если я задерживаюсь где-нибудь хоть на 15 минут! Все равно будет порка! Отец у меня строгий, но справедливый! Чаще всего он меня лупит ремнем, только не пряжкой, а складывает вдвое. Я снимаю штаны вместе с трусами и становлюсь на четвереньки, животом на диван. Иногда, если я слишком дергаюсь, то без дивана, тогда отец зажимает мое тело с боков. А тебя твой отец пряжкой лупит? Мне иногда только угрожает, что будет бить пряжкой, но всегда жалеет. Если шлепает рукой, то обычно у него на коленях, или просто стоя. Летом в деревне отец лупит меня крапивой и ивовым прутом, тогда он заставляет меня раздеваться совсем догола».

«— Андрей, как ты считаешь, подростков надо наказывать ремнем или нет? Тебя самого когда-нибудь

ремнем наказывали? Если да, то какие при этом испытываешь чувства, как происходит порка?

— Считаю, что надо. Но это обязательно должно быть как-то регламентировано. Иначе, кроме новой волны семейного и прочего насилия над детьми, мы ничего не получим. Что до меня, то, конечно, в детстве, бывало, лупили. Лет до 12. Не могу сказать что незаслуженно. Был довольно-таки большим хулиганом. Впрочем, таким и остался. Порка лишь слегка осаживала. Считаю, что в воспитательном процессе она необходима только тогда, когда есть что поставить в альтернативу. То есть когда лупят для того, чтобы проще было принять ребенку то, что ему дается. Чтобы меньше с его стороны было упрямства.

А чувства... Ясно, что не сладко. Правда, так, как это зачастую описывается в тех рассказах, которые есть в инете, у меня в детстве никогда не было. Нет, было почти так же один раз — мне 10 лет тогда было. Я чего-то наделал на даче, и дед спустил с меня штаны и, разложив на верстаке, отхлестал прутом. Если тебя интересует, есть ли сексуальные и эротические чувства при этом... Писюн, помню, стоял перед тем как... Позже, когда появилось открыто что-то, что можно об этом почитать и посмотреть, то с удовольствием это делал, — возбуждение от этого испытываю. Но сам никогда не извращался в этом. Хотя мало, но пороть детей самому приходилось. Лупил их всегда ремнем и всегда лежа на кровати. Естественно, без штанов».

Некоторые «телесно-воспитательные» практики выглядят довольно экзотическими.

«Я слабая интеллигентная 48-летняя мать-одиночка. Моему сыну почти 14. Он рос болезненным, маленьким, слабеньким... И вырос грубый, наглый, трусливый подросток, который мешает всему классу работать, хамит учителям, не жалеет 78-летнюю бабушку и исповедует только силу. *Выпороть бы его раз-другой. (Я бы заплатила в пределах зарплаты доцента...)* И вырос бы хороший человек.

Может быть, какая-нибудь структура, готовящая, например, телохранителей, стала бы профессионально, не калеча, оказывать такую помощь матерям-одиночкам? А наши сыновья знали бы, что их матери и бабушки не лишены мужской защиты! Я убедилась, что страх возмездия делает сына очень хорошим мальчиком, а вот как раз сознание безнаказанности уводит его с пути истинного».

Спрос рождает предложение: «Снимай штаны, акселерат!» — с такой фразы приступает обычно к исполнению своей работы по перевоспитанию трудных подростков бывший школьный физрук Евгений.

Все началось около года назад, когда к нему обратилась заплаканная соседка, одна воспитывающая 13-летнего сына. Парень окончательно отбился от рук: перестал слушаться мать, пропускает занятия в школе, на любые замечания реагирует по-хамски...

«Соседка уговорила меня провести с ее оболтусом серьезную профилактическую беседу, — рассказывает Евгений. — Она была почему-то уверена, что именно такой мужчина, как я, способен внушить зарвавшемуся подростку хоть какие-то нормы поведения. "Если надо, — сказала отчаявшаяся женщина, — можно припугнуть и даже применить силу..." В разумных пределах, конечно. И за отдельную плату».

Вечером того же дня Евгений переступил порог соседской квартиры. Хозяйка вежливо извинилась и ушла в магазин за продуктами. А когда минут через сорок вернулась, застала своего долговязого отпрыска растерянным и непривычно смирным. Парень даже взял из ее рук тяжелую поклажу и унес на кухню, где к тому времени уже закипал чайник.

«В тот раз я от гонорара за свою работу наотрез отказался, — продолжает Евгений. — Но вскоре после этого ко мне с такой же настоятельной просьбой пришли еще две мамаши, знакомые моей соседки. Они буквально на коленях умоляли меня хоть как-то повлиять на их сынков: одному было четырнадцать, другому — пятнадцать лет. Тоже не хотели учиться и ни в грош не ставили слезы своих матерей. Пришлось с одним из них вежливо, но строго поговорить, а другого — просто выпороть. А потом заявки посыпались как из рога изобилия. Это отнимало мое личное время, и я стал брать с заказчиц небольшую, чисто символическую, плату за свои "уроки вежливости", чтобы хоть транспортные расходы возместить. Теперь у меня есть даже постоянные клиенты — к ним время от времени приезжаю, чтобы закрепить полученные навыки...»

Евгений уверен, что процесс перевоспитания должен носить характер шоковой терапии, чтобы оборзевшие шпанята прониклись ситуацией глубоко и надежно. Нередко его подопечные орут благим матом, и тогда Евгений запечатывает их рты скотчем, продолжая во время порки вести нравоучительную беседу.

Это звучит фантастически. Но известный русский писатель и философ В. В. Розанов, который после окончания Московского университета (в 1882 году) одиннадцать лет проработал гимназическим учителем истории и географии и классным наставником, рассказывает, что к нему, как к последнему прибежищу, нередко являлись матери учеников (всегда вдовы) с просьбою наказать розгами (то есть, чтобы это было сделано в гимназии) своего разболтавшегося мальчугана: «"Сестер колотит, меня не слушает, ничего не могу сделать etc"; я, конечно, объяснял, что это запрещено всеми параграфами, но, зная конкретно (ведь в педагогической литературе фигурируют в качестве примеров лишь бумажные манекены, которых "во всем можно убедить словами", и, конечно, зачем для них наказание?) мальчишку способного и, что называется, взорвавшегося, потерявшего голову от баловства, всегда давал совет — обратиться к кому-нибудь по соседству или из родственников и больно-больно высечь его».

Никаких нравственных сомнений по этому поводу Розанов не испытывал: «Что касается "унижения человеческой природы", будто бы наносимого розгой, то ведь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизило современных мальчишек?»

Возможно, отчасти это связано с садистскими наклонностями писателя. Один из бывших учеников так вспоминает его обращение с первоклассниками:

«Когда ученик отвечал, стоя перед партой, Вас. Вас. подходил к нему вплотную, обнимал за шею и брал за мочку его ухо и пока тот отвечал, все время крутил ее, а когда ученик ошибался, то больно дергал. Если ученик отвечал с места, то он садился на его место на парте, а отвечающего ставил у себя между ногами и все время сжимал ими ученика и больно щипал, если тот ошибался, Если ученик читал выбранный им урок, сидя на своем месте, Вас. Вас. подходил к нему сзади и пером больно колол его в шею, когда он ошибался. Если ученик протестовал и хныкал, то Вас. Вас. колол его еще больней. От этих уколов у некоторых учеников на всю жизнь сохранилась чернильная татуировка. Иногда во время чтения нового урока Вас. Вас. отходил к кафедре, глубоко засовывал обе руки в карман брюк, а затем начинал производить ими какие-то манипуляции. Кто-нибудь из учеников замечал это и фыркал, и тут-то начиналось, как мы называли, избиение младенцев».

Тем не менее некоторые старшие ученики, например будущий писатель Михаил Пришвин, которого по записке Розанова исключили из гимназии, впоследствии прощали бывшего наставника, признавая, что сами его довели.

Но садизм — не обязательное условие порки. Чехов, которого в детстве отец нещадно порол, чего писатель не забыл и не простил, в рассказе «О драме» описывает сцену порки по-родственному на дому:

«Послышался звонок... Полуехтов, вставший было, чтобы нервно зашагать из угла в угол, опять сел... В комнату вошел маленький краснощекий гимназист в шинели и с ранцем на спине... Он робко подошел к столу, шаркнул ножкой и подал Полуехтову письмо.

— Кланялась вам, дяденька, мамаша, — сказал он, — и велела передать вам это письмо.

Полуехтов распечатал конверт, надел очки, громко просопел и принялся за чтение.

— Сейчас, душенька! — сказал он, прочитав письмо и поднимаясь. — Пойдем... Извини, Филя, я оставлю тебя на секундочку.

Полуехтов взял гимназиста за руку и, подбирая полы своего халата, повел его в другую комнату. Через минуту полковник услышал странные звуки. Детский голос начал о чем-то умолять... Мольбы скоро сменились визгом, а за визгом последовал душу раздирающий рев.

— Дяденька, я не буду! — услышал полковник. — Голубчичек, я не буду! А-я-я-я-й! Родненький, не буду!

Странные звуки продолжались минуты две... Засим все смолкло, дверь отворилась и в комнату вошел Полуехтов. За ним, застегивая пальто и сдерживая рыдания, шел гимназист с заплаканным лицом. Застегнув пальто, мальчик шаркнул ножкой, вытер рукавом глаза и вышел. Послышался звук запираемой двери...

— Что это у тебя сейчас было? — спросил Финтифлеев.

— Да вот, сестра просила в письме посечь мальчишку... Двойку из греческого получил...

— А ты чем порешь?

— Ремнем... самое лучшее... Ну, так вот... на чем я остановился?»

Чеховский рассказ — злая сатира на либеральных интеллигентов, которые болтают о высоких материях, а в перерыве готовы высечь беззащитного ребенка. Но меня интересует не оценка, а сама возможность оказания подобной родственной услуги.

Сегодня, как и в прошлом, за проблемами повседневности часто скрывается идеология. Недаром вопрос вызывает столь яростные споры. По мнению либералов-западников, телесные наказания — закамуфлированная форма насилия над детьми, которое должно быть законодательно запрещено не только в школе, но и в семье. Коммунисты и православные фундаменталисты (как и по многим другим вопросам, здесь их позиции очень близки) с этим категорически не согласны. Признавая необходимость чадолюбия и заботы о детях, они возражают против ограничения родительской власти, одним из атрибутов которой являются физические наказания. Тамбовский учитель-коммунист на страницах «Советской России» ратует даже за публичные порки детей: «...Публичная порка. Да-да, на специально оборудованном месте, специальным предметом и специальным человеком. Уверяю вас, воздействие колоссальное... Физические наказания в семье должны быть официально разрешены». За что? Например, «за раннее начало половой жизни».

В оценке эффективности конкретных физических наказаний их защитники зачастую расходятся. Татьяна Шишова, которая называет либерализацию взглядов родителей на проблему наказаний «скарлатиной», призывает разграничивать безобидный шлепок и наказание ремнем. «Это по-настоящему больно и отрезвляет даже самых буйных. Потому и применять его стоит только при тяжелых провинностях». Напротив, бывший питерский омбудсмен Игорь Михайлов, у которого «мать инспектором милиции была. И все у нее было под контролем», отдает безусловное предпочтение ремню: «...Я делал так: раз сказал, два сказал, на третий — двинул. Ремнем! Рукой бить нельзя. Тем родителям, которые все-таки предпочитают воздействие, рекомендую: заведите ремень не очень жесткий, чтобы не отбить ребенку внутренности».

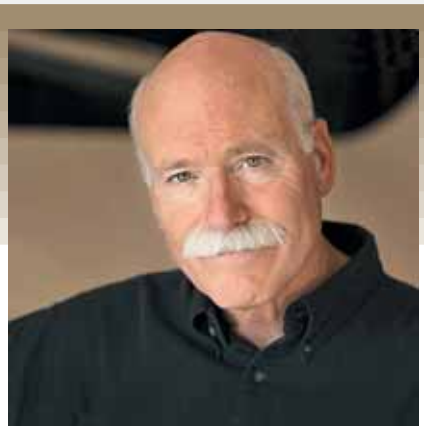
Профессор МГИМО и ведущий телепередачи «Умники и умницы» Юрий Вяземский на страницах «Комсомольской правды» и в телепрограмме «Культурная революция» также заявил, что без «без порки не обойтись»: «Непременно нужно пороть за серьезные провинности. Тарас Бульба убил своего сына Андрия за предательство. И те, кто читает Гоголя, не осуждают его, а считают поступок Тараса правильным. Но! Физическое наказание ни в коем случае нельзя превращать в пытку, в унижение». Заявление «рафинированного интеллигента» вызвало страшный скандал в блогосфере. Вяземского стали называть крепостником (приняли его псевдоним за княжескую фамилию), садистом и даже педофилом. Но отношение к телесным наказаниям может быть никак не связано ни с уровнем образованности, ни с психосексуальными особенностями личности. Просто взгляды у профессора клерикальные и ультраконсервативные. В современной России это модно.

О том, что Россия уже вступила на европейский путь либерализации семейной дисциплины, свидетельствуют не только официальные декларации о намерениях и создание должности Уполномоченного президента по защите прав детей, но и резко повысившееся внимание средств массовой информации к этим вопросам, а также динамика массового общественного сознания. Однако путь этот долог и противоречив.

Поцелуй

Рассказ

Тобиас Вулф



Американский писатель Тобиас Вулф родился 19 июня 1945 года в Бирмингеме, штат Алабама. Широкой публике он известен, в первую очередь, как мемуарист. Свое нелегкое детство он описал в своей самой знаменитой книге «This Boy's Life» (1989). Особенную известность этому роману принесла экранизация 1993 года, вышедшая в российский прокат под названием «Жизнь этого парня». (Режиссер картины — Майкл Кейтон-Джонс, роль Тоби Вулфа сыграл актер Леонардо Ди Каприо, его отчима — Роберт Де Ниро.) Школьные годы Вулфа нашли отражение в другом его произведении — «Old School» (2003). В романе воссоздается жизнь учеников элитной школы, имеющей много общего с The Hill School, в которой учился сам Вулф. Служба в американской армии в годы Вьетнамской войны описана в мемуарах «In Pharaoh's Army» (1994).

Но всё же крупные произведения писателя не пользуются такой популярностью у читателей, как его рассказы. Первый сборник рассказов Тобиаса Вулфа вышел в 1981 году, за ним последовали еще четыре книги, последняя из которых была опубликована в 2008 году. Сборник 2008 года включает в себя и рассказ «Поцелуй».

Когда Джо Риду было пятнадцать, его безумное увлечение одной девочкой стало так обременять всю его семью и вызывать такой интерес у жителей их маленького городка, что мать пригрозила отправить Джо к его замужней сестре в Сан-Диего. Однако этого не случилось: вскоре умер отец Джо, мать получила внушительную сумму от страховой компании, продала аптеку, которой они с мужем владели, и переехала в Калифорнию, забрав сына с собой.

С тех пор прошло тридцать лет. Все это время он не получал известий от той девушки, Мэри-Клод Мур, но от знакомых, оставшихся в Данстоне, до него порой доходили обрывочные слухи о ней. Она бросила школу за год до окончания, родила ребенка, вышла замуж, развелась и через пару лет вышла замуж снова. Это было последним, что Джо о ней слышал, пока не узнал о ее смерти.

Однажды воскресным вечером он заехал к матери. Когда он закончил все домашние дела, они с матерью сели пить кофе. Тогда она и сказала ему о Мэри-Клод и отдала письмо своей подруги. Джо не хотелось задумываться о том, как со стороны выглядит его реакция, поэтому он извинился, взял письмо и вышел на задний двор.

В газетной заметке, которая была вложена в письмо, говорилось, что Мэри-Клод, вероятнее всего, уснула за рулем и выехала на встречную полосу. Она умерла на месте, как и водитель той машины, в которую она врезалась. Это был стоматолог из Беллингема, он возвращался домой с воскресной рыбалки. Так писали в газете. Но подруга матери упомянула также неофициальную версию трагедии, хотя и считала ее нелепой: у Мэри-Клод был роман с агентом по недвижимости, неким Чипом Райаном. Чип Райан водил такую же необычную машину, как и стоматолог, — красный мерседес-универсал, а у Мэри-Клод был не менее приметный старый мустанг голубого цвета с откидным верхом. Они оба жили за городом и часто встречались по пути в город и обратно. Рассказывали, что каждый раз, завидев друг друга на пустом участке дороги, они затевали особую игру: в последний момент менялись полосами. Такая у них была забава. В тот вечер Мэри-Клод приняла машину стоматолога за машину Чипа, и случилось то, что случилось.

Эта история показалась Джо слишком уж сомнительной. Подруга матери и сама-то не очень в нее верила, но не могла не заметить, что в официальной версии есть странности. Как, например, Мэри-Клод могла уснуть сразу после целой череды крутых поворотов? И все же, писала она, это несчастье можно объяснить и по-другому — так, чтобы не очернять память о Мэри-Клод и понапрасну не задевать ее семью.

В газетной статье говорилось, что Мэри-Клод с мужем содержала кафе. Дела у них, видимо, шли неплохо: несколько лет назад Торговая палата даже признала их предпринимателями года. У нее было трое детей и двое внуков. Почему-то в газете не поместили ее фотографию. Джо порадовался этому упущению.

Джо жил второй, потайной жизнью, параллельно той, что проходила на глазах у окружающих. В своей другой жизни он не уехал в Калифорнию, а остался в Данстоне с Мэри-Клод. В этот сон наяву он погрузился почти сразу после переезда на знойную, залитую летним солнцем улицу, где жили одни пенсионеры и где по ночам распылители орошали лужайки, на которых днем изредка появлялись только мексиканцы с газонокосилками. Первое время мать Джо редко покидала свою полутемную спальню, но если это случалось, она сразу отправляла сына гулять. Тогда Джо брал субботнюю вечернюю газету и уходил в ближайший парк, к пруду, где девушки мазали друг друга защитным кремом, загорали, лежа на животе и покачивая в воздухе отливающими бронзой ногами, и визжали, когда местные бездельники брызгали на них водой. Он тоже ложился, упирался взглядом в газету, и погружался в свою призрачную жизнь с Мэри-Клод.

Калифорнийская школа была новая, светлая и просторная. В гулких коридорах голоса учеников сливались в гам, который Джо вскоре стал воспринимать как разновидность привычной ему тишины. Иногда он возвращался домой, ни с кем и словом не перемолвившись. Джо казалось, что так пройдет весь этот год, и следующий тоже, до самого выпускного, но вскоре он подружился с одноклассником, которого ему поставили в пару на практических занятиях по биологии, а тот стал водить его на вечеринки и познакомил с

девушками. Весной Джо получил водительские права и начал встречаться с Карлой. В последний школьный год, осенью, они с Карлой пораньше ушли с танцев и поехали в мотель. Для них обоих это был первый раз — и неудачный. Через несколько дней они попробовали снова, в спальне Карлы, и получилось лучше, а к рождеству Джо стал тайком встречаться с Кортни. Не то чтобы она ему больше нравилась, просто Джо считал, что рано или поздно либо он, либо Карла начнет изменять, и ему хотелось быть первым.

И все это время продолжалась его призрачная жизнь с Мэри-Клод. Он был с ней то на одеяле посреди залитой лунным светом поляны, то в машине, припаркованной у реки, — из приемника звучала песня Рэя Чарльза, а ее пальцы скользили по его шее, и карамельный вкус ее поцелуя оставался у него на губах и на языке, чувствовался глубоко в горле. Только этот поцелуй был настоящим воспоминанием, только он был правдой. На самом деле Джо почти нигде не бывал вдвоем с Мэри-Клод — они лишь изредка прогуливали вместе школу да несколько раз встречались в городе. Но к тому поцелую он додумал все остальное, или, скорее, все остальное придумалось само — без каких-либо усилий воображения, без ощущения нереальности: у него на глазах просто проходила та жизнь с Мэри-Клод, на которую он когда-то надеялся. Со временем сцены их жизни становились все ярче и подробнее, а новые эпизоды легко накладывались на старые, и в центре каждого из них был поцелуй.

Поступив в Беркли, Джо стал встречаться с Морин, а когда Морин уехала на год в Сорбонну, у него появилась Линда, а потом Кандас. До окончания университета они с Кандас жили в одном доме еще с двумя парами, а после, в первый год обучения Джо в медицинской школе, снимали отдельную квартирку. Как-то Кандас поехала в Нью-Йорк навестить семью да так и не вернулась. Она прислала Джо письмо, в котором просила прощения за все проблемы, вызванные ее алкоголизмом, — теперь она решила с ним бороться. Она писала, что не может вернуться к той жизни, которую вела в Беркли, и что Джо должен это понять.

Затем, пока Джо не закончил обучение и не встретил свою будущую жену, у него не было серьезных романов — только случайные увлечения женщинами, которые сами слишком много работали, чтобы требовать от него большого внимания. При столь практичном подходе эти отношения приобретали исключительно биологический характер, а потому Джо так беспокоился о безупречном выполнении своих мужских функций, что с пугающим постоянством оказывался ни на что не способен. К тому моменту, когда Джо наконец обосновался в Сиэтле, он превратился почти в отшельника, и тогда его нереальная жизнь стала навязчивее и четче, чем когда бы то ни было.

Данстон был лишь в трех часах езды на север от Сиэтла; иногда Джо подумывал о том, чтобы наведаться туда в один из свободных вечеров, но ни разу так этого и не сделал. К тому времени он уже знал о новом замужестве Мэри-Клод. Если бы он и отправился в Данстон, то только чтобы увидеть ее, но он боялся, что она не захочет встретиться с ним, и также боялся, что захочет. Поезд ушел. У нее были дочь, муж и домашнее хозяйство, ей было чем заняться. Ему тоже — он делал важную, изнурительную работу. Эта работа требовала ясности, которая часто изменяла Джо, и ему приходилось изо дня в день возвращать ее. Он уже терял ее раньше и больше не мог себе этого позволить.

Когда Мэри-Клод погибла, Джо был женат уже семнадцать лет. И все это время он думал о ней. Он представлял себе, как Мэри-Клод сидит, заспанная, напротив него за кухонным столом и пьет кофе. Кухня была маленькой и грязной, а халат Мэри-Клод раскрывался каждый раз, когда она наклонялась отпить из чашки. Она замечала, что он смотрит на нее, и смотрела в ответ. Он вставал. Она ставила чашку на стол и ждала. Он представлял себе, как они выходят на крыльцо и машут вслед уезжающим друзьям. А когда они оставались одни, Мэри-Клод поворачивалась к нему, обнимала рукой за талию, они шли в дом и поднимались по лестнице, останавливаясь на лестничной площадке, чтобы поцеловаться. Иногда Джо думал о том, что должно быть дальше, но это был момент, на котором он всегда задерживался, — поцелуй. Джо очень хорошо помнил, каково это — целовать Мэри-Клод. Когда они встречались, он делал это почти непрерывно. А встречались они чуть больше трех месяцев.

У отца Мэри-Клод была молочная ферма в нескольких милях от города. Ее мать бросила его и забрала одиннадцатилетнюю дочь с собой. Она снова вышла замуж, но ее новый муж не поладил с дочерью, и она отправила Мэри-Клод обратно к отцу, когда той было пятнадцать. Первые шесть школьных лет Джо не замечал Мэри-Клод — она казалась неряшливой маленькой провинциалкой, — но вернулась она совсем другой, бойкой и своенравной. Она дерзила учителям, ходила с недовольной миной и так гордо выгибала спину, что та становилась похожей на лук. У нее не было друзей, кроме такой же заносчивой кузины. Она прогуливала занятия, курила и уводила чужих парней — во всяком случае, так говорили, — и когда Джо решил проверить этот слух из любопытства, он убедился, что это правда. Во время танцев, на которые Джо пришел с другой девочкой, Мэри-Клод увела его за школу и продержала там больше часа. Он знал, что она просто хочет испортить его свидание, — по крайней мере, тогда он ей еще не нравился, — но, раз начав, не мог перестать целовать ее. Он стоял, прислонившись к стене гимназии, а эта девушка, которая так хорошо пахла, прижималась к нему всем телом, тихо напевала ему на ухо, когда они останавливались, чтобы отдышаться, и покачивалась в такт музыке, от которой дребезжали огромные окна над ними. Вдоль стены стояли и другие пары, и Джо знал, что его подружка обязательно услышит о нем и Мэри-Клод, но когда он попытался отстраниться, Мэри-Клод притянула его за подбородок к своим губам, и он забыл, что хотел уйти. Он мог бы простоять там всю ночь, не замечая времени, но из школы вышла девочка и сказала Мэри-Клод, что парень, с которым она приехала, ждет ее в машине. Мэри-Клод двинулась было прочь, но потом остановилась и снова поцеловала Джо. Он дважды обошел школу, прежде чем войти внутрь. Зал был почти пуст. Девушка Джо ушла со своими друзьями.

Встретив Мэри-Клод в школьном коридоре в понедельник утром, Джо не стал притворяться, что ничего не произошло. Она тоже. Она позволила ему взять ее учебники и проводить ее до класса. На большой перемене они пошли в

кафетерий и сели за один столик. Он знал, что за этим последует, как будут шептаться у них за спиной, как все будут смотреть им вслед, даже его друзья. Он знал правила. Он повел себя как свинья и обидел хорошую девушку — и ради кого? Ради Мэри-Клод. С ней можно было провести часок-другой, но потом сразу порвать навсегда и смеяться над ней в компании друзей. Они ели молча. Она слегка покраснела, но ничем больше не выдавала своего волнения. Потом наколола на вилку морковь из его тарелки, и этим было все сказано. Они стали парой.

За школой был овраг, густо заросший папоротником. У футбольного поля были трибуны. Были пустые классы. Они встречались до начала занятий, потом во время ланча и проводили вместе еще несколько минут после школы, до отправления автобуса Мэри-Клод. Джо почти ничего не говорил. Когда он слышал собственные слова, его охватывало отчаяние. Мэри-Клод либо хранила гробовое молчание, либо становилась необычайно разговорчивой. Когда они оставались одни, она часто начинала говорить в перерывах между поцелуями — ровным шепотом, еле слышно, будто сама с собой. Джо нравилось чувствовать низкий голос Мэри-Клод где-то на уровне своей груди, но он почти никогда не обращал внимания на то, что она говорит, и потом ничего не помнил.

Зато он хорошо помнил вкус помады, сигарет и леденцов, вкус Мэри-Клод. Первым, что он испытывал от прикосновения ее губ, было мгновенное облегчение, словно все напряжение таяло и горячий поток устремлялся вниз от шеи и плеч. И затем он покачивался в такт с ней и упивался этой дымной сладостью, сладостью, которая помогала забыть о несделанной домашней работе, о все более явном заикании, о растерянной бледной матери и о комнате в конце коридора, где его отец боролся за каждый вздох, точно выброшенная на берег рыба. Он забывал планировать, что делать дальше, как ее ласкать. Он переставал думать наперед — не было ни «дальше», ни «до», ни «после». Он жаждал большего и был уже глубоко удовлетворен одновременно.

И Мэри-Клод жаждала его. С ним еще никогда такого не бывало — чтобы девушка не могла дождаться встречи с ним, чтобы так жадно набрасывалась на него. Ей не нравилось прерываться; когда он отстранялся, чтобы вздохнуть, ее рука сгребала его за волосы на затылке и снова притягивала к себе. Прежде чем вернуться в класс, она иногда произносила его имя низким голосом, с легкой издевкой, и от этого звука перехватывало дыхание, словно она дернула за поводок.

Вскоре Мэри-Клод перестала таиться. Ей было безразлично, кто и когда их видит. Она требовала поцелуя — настоящего поцелуя — в дверях автобуса или в школьном коридоре, даже просто на улице, если отец разрешал ей пройтись по городским магазинам после школы. Джо знал, что это не просто беспечность, — она выставляла напоказ их страсть, особенно его страсть к ней. Он видел, что она гордится своим правом на него, и оттого тоже становился гордым и уверенным. Его ничто не волновало — пусть люди даже смеются над ними и шутят, что «они слиплись ртами» (это ему передала мать). Мать Джо слышала, что о них говорят, — в своей аптеке она слышала все.

Сначала она пыталась осторожно коснуться этой темы, но потом потеряла терпение. Как можно в такое время шляться по улицам с какой-то девицей? Нельзя было выбрать более подходящий момент? Он не мог бы хоть немного посидеть с отцом, вместо того чтобы бродить по своей комнате и заговаривать телефон? Разве это так сложно? Джо знал, что не должен заставлять маму волноваться, но ни одно ее слово не тронуло его. И вовсе не ее уговоры стали причиной того, что однажды он все разрушил.

Они с Мэри-Клод сидели на трибуне, шел баскетбольный матч. Ей было скучно, она хотела уйти, выйти на улицу. Джо не обращал на нее внимания: игра была напряженная. Она стала перебирать волосы у него на загривке. Джо нравилось это ощущение, и он уже готов был сдаться, но вдруг на него что-то нашло, и он стряхнул ее руку. Он почувствовал, как Мэри-Клод застыла. Он знал, что она смотрит на него, но не отрывал взгляда от игроков и даже вскрикнул, когда один из них проворонил пас. Мэри-Клод снова запустила пальцы ему в волосы, сжала их и попыталась повернуть его голову к себе. Не переставая смотреть на площадку, он резко вывернулся и отстранился от нее. Мэри-Клод встала, но ненадолго задержалась, и хотя Джо знал, что все еще может повернуться к ней, он этого не сделал. Она направилась к выходу. Он смотрел, как она спускается по ступенькам, проходит перед трибуной и закрывает за собой дверь зала. Игра потеряла для него всякое значение, но он просидел до самого конца. Во рту у него пересохло, сердце билось так, словно изнутри он был пустым.

Придя домой, Джо позвонил Мэри-Клод, но никто не ответил. Перед сном он позвонил еще раз, и кто-то взял трубку, но ничего не сказал. «Мэри-Клод, — сказал Джо, — Мэри-Клод, пожалуйста».

Она не ответила. Он знал, что она ждет от него оправданий, раскаяния, но не представлял, что говорить. Он мог только твердить ее имя.

Мэри-Клод.

А потом она положила трубку.

Она клала трубку каждый раз, когда он звонил. Он засовывал записки в ее школьный шкафчик, но не получал ответа. Каждое утро он встречал ее автобус, но она проходила мимо. Он ждал ее возле дверей класса и шел за ней по коридору, а после школы сопровождал ее до автобусной остановки. Он понимал, что ведет себя по-дурацки, но у него не было выбора — как иначе можно было быть рядом с ней? Его мать услышала об этом и потребовала, чтобы он оставил девочку в покое. Безрезультатно — Джо продолжал преследовать Мэри-Клод. А Мэри-Клод так и не сжалилась над ним.

У них было один общий урок — история штата Вашингтон. Она сидела в левом от него ряду, на две парты впереди. Он мог смотреть на нее, а она не видела, что он смотрит, хотя, конечно, знала это. Раньше, когда они еще были вместе, прежде чем Джо все разрушил, Мэри-Клод при любой возможности оборачивалась в его сторону и каждый раз убеждалась, что его взгляд устремлен на нее. Теперь она не оборачивалась, но по тому, как она зевала, обеими руками собирала волосы на шее, приподнимала их и отпускала, чтобы они снова упали на спину, было ясно, что она чувствует его взгляд. Все это было нужно только затем, чтобы обострить его боль. И то, как она вытаскивала ногу из туфли и медленно чесала ею лодыжку другой ноги. И изгиб ее шеи,

Продолжается подписка на «Семью и школу» на 2011 год

В любом отделении связи вы сможете оформить подписку на журнал по одному из следующих индексов:

70909 (подписка на первое полугодие) и
72372 (годовая подписка) — Агентство подписки и розницы, оформление по Объединенному каталогу «Пресса России»;

70906 (подписка на первое полугодие) и
83335 (годовая подписка) — Агентство «Роспечать», получение журнала бандеролью, оформление по каталогу «Роспечать»;

99351 (подписка на первое полугодие) и
11387 (годовая подписка) — Межрегиональное агентство подписки, оформление по каталогу «Почта России».

Можно также подписаться через редакцию.

Подробности — на сайте mag7a.narod.ru

когда она изучала свои ногти. И то, как она нетерпеливо надувала губы под конец занятия.

Джо взволнованно ждал любого движения Мэри-Клод, при котором он смог бы увидеть ее рот. Она часто поворачивалась взглянуть на часы над дверью, и Джо ни разу не упустил того момента, когда ему открывался ее профиль — высокий лоб и пухлый рот. При виде ее губ он наклонялся вперед, стараясь хоть чуть-чуть сократить расстояние между собой и ею. В том, что он не мог прикоснуться губами к ее губам, была какая-то несправедливость, какая-то невероятная ошибка, и это обескураживало и приводило Джо в отчаяние.

Она должна чувствовать то же самое, что и он, — Джо был уверен в этом. Если он оторван от нее, то и она оторвана от него. Она тоже в изгнании. Если бы это отчуждение прекратилось, все стало бы как прежде, может даже лучше, ведь они бы еще больше ценили то, что однажды потеряли и сумели вернуть. Но оно все продолжалось, и Джо начал понимать, что Мэри-Клод не знает, как покончить с этим недоразумением, — она ждет, что он сам найдет выход. Но что он мог сделать, если она с ним не разговаривала? Если даже не смотрела на него?

А потом она стала встречаться с Алом Доджем. Ал учился в выпускном классе, он был тихим и дружелюбным, учился с трудом и хромал с тех пор, как переболел полиомиелитом. Он жил на той же улице, что и Мэри-Клод. В школу он приезжал на машине, и Мэри-Клод стала подсаживаться к нему вместо того, чтобы ехать на автобусе. Они часто ходили на ланч вместе. Сначала Джо был в замешательстве, а потом решил, что это знак. Он дождался Ала после урока труда и стал рассказывать ему о себе и Мэри-Клод, несмотря на то, что Ал явно не хотел выяснять отношения. Когда он попытался уйти, не дослушав, Джо преградил ему путь. Тогда Ал оттолкнул Джо, но его больная нога подкосилась, и он упал — металлическая ортопедическая скоба зазвенела от удара об асфальт. Джо наклонился, чтобы помочь ему встать, но два подбежавших парня отпихнули его в сторону. Один из них, с трудом поднимая Ала на ноги, взглянул на Джо. Джо хотел все объяснить, но тут же понял, что никогда не сможет этого сделать. Ему оставалось только улыбнуться и послать парня на хрен.

Придя домой, он сразу понял, что мать уже обо всем знает. Она отправила его работать за прилавок и обращалась к нему только при большой необходимости. Вечером, когда он мыл посуду, она зашла на кухню и сказала, что его сестра с мужем хотели бы забрать его к себе, пока все не уладится, — Джо понял, что она имеет в виду «пока отец не умрет». Она встала в дверях — покрасневшая, с блестящи-

ми глазами, — и потребовала, чтобы Джо посмотрел на нее. Ее властный тон резал ему уши. Он хочет отправиться в Сан Диего? Он этого точно хочет? Нет? Он уверен? Хорошо. Она найдет, чем его занять. Но если подобное повторится, он на первом же автобусе уедет из города. Он это понял? Замечательно. А теперь она хочет, чтобы Джо пошел к отцу и дал ему такое же обещание.

Отцу Джо ничего не пообещал. Он послушал странное подводное бульканье, которое доносилось из отцовского кислородного аппарата, изучил узоры на пледе, ответил на несколько еле слышных вопросов о школе и уже был готов сбежать из комнаты. Но тут отец схватил своей сухой пожелтевшей рукой запястье Джо, притянул его к себе и обнял. Джо замутило от ужаса.

Джо решил поцеловать Мэри-Клод. Она была такая же, как он. После первого соприкосновения губ она хотела еще, а потом еще и еще, пока совсем не теряла рассудок. Вот что им было нужно — снова лишиться рассудка.

В теплые дни учительница физкультуры Мэри-Клод выводила девочек на улицу поиграть в софтбол или пробежать марафон. В это время у Джо был урок французского, но он иногда сбегал пораньше, чтобы постоять в тени деревьев у края поля и посмотреть на Мэри-Клод. Она участвовала в занятии наравне с другими девочками, но часто уходила на трибуну, чтобы перекурить и поговорить со своей кузиной Рут, которая была наполовину индианка и не общалась ни с кем, кроме родственников. Мэри-Клод и так была бледная, но рядом с Рут чуть ли не светилась, как белый камень на дне ручья. Когда учительница вела класс обратно в школу, Мэри-Клод специально отставала и уходила самая последняя — словно старалась показать, что не подчиняется силе, которая движет остальными. Даже Рут не могла выдержать такого и уходила вперед.

С поля Мэри-Клод шла, скрестив на груди руки и глядя себе под ноги. Джо не знал, видит ли она его. Он стоял под каштаном возле тропинки, которая вела в раздевалку; дерево цвело, и от пыльцы у Джо покраснели и заслезились глаза. Когда Мэри-Клод проходила мимо, он окликнул ее по имени, и она взглянула на него без капли удивления. Он продумал все, что должен ей сказать, но теперь, оказавшись рядом с ней, забыл свою речь. Белизна ее ног заставила его растерять все слова.

Она подождала, все в той же позе — со скрещенными на груди руками. Затем спросила: «Ты что, плакал?»

Джо точно не помнил, что случилось потом. Как только это случилось, он уже ни в чем не был уверен, даже в собственной памяти, и без возражений и споров принял всю возложенную на него вину.

Но он знал, что все началось с шутки Мэри-Клод по поводу его глаз. Он принял насмешку за знак прощения — прощения и заключения мира. От этой мысли кровь бросилась ему в лицо. Он и сейчас помнил это чувство. А потом он потерял нить. Помнил ли он, как держал ее руку в обеих своих, и как она отклонялась и вырывалась, глядя ему в лицо? Возможно. Еще он помнил, что стоял под деревом, обхватив Мэри-Клод, но как они там очутились, он не мог сказать. Может быть, он отвел ее туда, а может, и притащил насильно. Он был уверен только в одном: Мэри-Клод уже была готова поцеловать его, когда учительница физкультуры схватила его за шиворот. И даже когда от рывка назад ворот впился ему в горло, он все еще пытался дотянуться до губ Мэри-Клод. А потом Мэри-Клод отвернулась от него и зарыдала, зажав рот рукой, и он понял, что придется все начинать сначала.

Он ни с кем не спорил, кто бы что ни говорил. Мать удивила его, попытавшись вызвать у директора школы жалость к себе, — он еще ни разу не видел, чтобы она так себя вела, — но это не помогло, директор не позволил Джо доучиться до конца года. Когда он освобождал свой шкафчик, проходившие мимо старшеклассники изобразили звук поцелуя, остальные школьники подхватили эту шутку, и чмоканье преследовало Джо, пока он не вышел из школы вместе с вещами.

Мать Джо сказала, что в выходные отправит его в Сан-Диего. Он решил наотрез отказаться, но обошлось без этого. В среду вечером его отец впал в кому, а ночью скончался, — и все это время мать держала отца за руку, а Джо растерянно бродил по комнате. Он то и дело поглядывал на тело, лежащее в постели, а потом снова отворачивался и смотрел в окно, за которым темнел соседский двор, или на книжный шкаф, или на развешанные по стенам фотографии. Вот Джо в форме игрока детской бейсбольной лиги. Вот Джо выглядывает из своей детской кроватки. Вот Джо с отцом стоят на берегу реки Скагит и держат в руках пару крупных форелей.

Джо помог матери обзвонить родственников и организовать похороны. Он отдал все отцовское рыболовное снаряжение его лучшему другу и сложил в коробки всю его одежду, чтобы передать в благотворительную организацию. Он во всем поддерживал мать, был внимателен и серьезен. В ночь после похорон он бесшумно спустился по лестнице и попытался нащупать ключи от машины на крючке, куда их всегда вешали. Их там не оказалось. На следующую ночь их там тоже не было. Мать перехитрила его. Джо был удивлен, что она сохранила такую расчетливость, несмотря на свое горе. Он стал относиться к ней иначе. Лучше, и хуже.

И дом, и бизнес были проданы на той же неделе супружеской чете из Ванкувера. Эта сделка была заключена еще несколько месяцев назад, когда стало ясно, что смерть отца неизбежна. Джо проводил инвентаризацию для нового владельца, стоя на коленях посреди комнаты и делая пометки на листке, приколотом к пюпитру, когда кто-то прошел по коридору и остановился у него за спиной. Он обернулся и увидел отца Мэри-Клод.

Джо видел мистера Мура издалека несколько раз, но никогда не обращал на него внимания — он воспринимал его лишь как блеклую тень, как-то связанную с Мэри-Клод; он не был готов убедиться в физическом существовании этого человека. Мистер Мур был высоким, он навис над Джо, и косой пыльный солнечный луч заливал все его лицо. Правый уголок его вялого рта поблескивал влагой. Его правое плечо было перекошено, словно он держал в руке тяжелое ведро. На нем был новый комбинезон и ботинки, которые он недавно отскребал от грязи: сквозь ее сухой налет виднелись царапины. От него сильно пахло камфарой. Его глаза были светлыми, водянисто-голубыми. Он не щурился на солнце и в упор смотрел на Джо. Джо был уверен, что этот человек знает все: не только то, что он сделал или попытался сделать с его дочерью, но и то, о чем он мечтал, и даже то, что он хотел затащить Мэри-Клод в машину и убежать с ней в Канаду.

Казалось, что мистер Мур собирается что-то сказать, но вместо этого он наклонился и сжал плечо Джо. А потом повернулся и ушел туда, откуда явился. Джо едва не разревелся от облегчения, потрясения и благодарности — от мысли, что мистер Мур, ее родной отец, специально приехал в город, чтобы утешить его после утраты Мэри-Клод.

Джо вынес письмо во двор и внимательно прочел. Он сидел в плетеном кресле, сгорбившись и уперев локти в колени, и ждал, когда придет мучительное осознание; но из открытого окна где-то дальше по улице доносился вальс Штрауса, и Джо волей-неволей прислушался к этой мелодии и даже начал слегка покачивать головой ей в такт, хотя и разлюбил старинную Вену после того, как Кандас помешалась на Штраусе за год до их расставания. Кресло казалось сухим, когда он в него садился, но утренняя роса задержалась в щелях плетенки; теперь она впиталась в его брюки, и они стали теплыми и липкими. Траву уже пора было покосить. Джо знал, что, подняв глаза, он увидит мать, наблюдающую за ним из кухонного окна, и она изобразит на лице понимание того, что, как ей казалось, он чувствует. А он чувствовал только неловкость от своих неуклюжих попыток вызвать отчаяние, имитируя его. Жалкие… жалкие потуги.

Он вскочил на ноги, угрюмо огляделся, выбирая подходящую цель, и после секундного замешательства отправился в сарай за газонокосилкой. Оно придет позже, если вообще придет. Иногда оно так и не приходило. Он терял пациентов и почти никогда о них не вспоминал, а если и вспоминал, то всегда только с легким сожалением, которое он считал наиболее приличным. Так же он думал и о коллеге, который недавно погиб на озере Тахо, врезавшись в охладитель для пива во время катания на водных лыжах, — в этом случае водные лыжи были слишком нетрагичной причиной смерти, а ржавый охладитель придавал всей истории оттенок нелепости.

Нет, если оно придет, то подойдет сзади и столкнет его в такую глубокую пропасть, что он и не вспомнит, каково это — быть наверху. Нечто подобное он испытал как-то раз после рождения сына. Однажды ночью, держа ребенка на руках, он будто вспомнил — причем с предельной ясностью, — как отец держал на руках его самого и как смотрел на него сверху вниз. Он улыбался, и щель между передними зубами и высоко поднятые брови делали его улыбку шаловливой. В ней было какое-то беспечное добродушие. Оно было хорошо знакомо Джо — он рос, согретый теплом отцовского расположения к себе, и было ясно, отчего его сознание так легко нарисовало эту сцену, хотя на самом деле он не мог ее помнить. А через несколько дней, разбирая документы после закрытия клиники, Джо глянул в полутемный коридор, и вдруг перенесся обратно в дом своих родителей, в холл рядом с их спальней. Он стоял там и не мог пошевелиться, а хрипящий желтолицый монстр, занявший место его отца, медленно повернул голову, улыбнулся той самой доброй улыбкой, приподнял свою худую желтую ладонь и попытался заговорить. Наверное, Джо закричал: когда он пришел в себя, воздух в комнате напряженно звенел. Но если и так, его никто не услышал.

У газонокосилки было погнуто лезвие, и она судорожно вздрагивала, когда Джо катил ее по двору. Использовать ее в таком состоянии было глупо, но ему нравилось толкать ее, и он продолжал свое дело. Он уже не обращал внимания на ее подрагивание. Оно вошло в ритм его движений, как четкие развороты в противоположном конце двора или усиленные толчки в тех местах, где косилка наталкивалась на густой пучок травы. Его руки дрожали от напряжения, по лбу катились капли пота, рубашка промокла насквозь. Во время работы он ни о чем не думал или, во всяком случае, не отдавал себе отчета в своих мыслях, но вдруг его осенило: агент по недвижимости — Чип Райан. Малыш Чип! Он не сразу вспомнил его, потому что Чип был совсем еще мальчишкой, когда Джо уехал из Данстона, — ему было не то семь, не то восемь лет. Джо дружил с его старшим братом. Когда они слушали свои пластинки, Чип всегда ошивался рядом и болтал о чем-то, но никогда особенно не лез к ним и не заставлял с собой нянчиться. Джо как наяву увидел этого симпатичного малыша Чипа, который сидел со своим ручным кроликом, гладил его уши и наблюдал за старшими ребятами.

Малыш Чип и Мэри-Клод.

В письме не говорилось, был Чип женат или нет. В любом случае, он встречался с женщинами, иначе о нем бы такого не придумали. И из всех девушек их большой зеленой долины он выбрал Мэри-Клод. Если это была правда. Конечно, это была правда.

Джо проехался газонокосилкой по последнему клочку нескошенной травы и выключил мотор. Пелена выхлопных газов застлала двор. Он снова услышал музыку. Скрипки. Это все еще был Штраус. Вытираясь рубашкой, Джо бессознательно кивал головой в такт музыке. Он слышал это произведение сотню, даже тысячу раз: Кандас танцевала под его торжественные аккорды по квартире, голая, блестящая от пота, с полузакрытыми глазами, — название вертелось на языке, но он никак не мог его вспомнить. Джо начал злиться — как можно забывать такие простые, давно знакомые вещи, — и пока он стоял, озадаченный этим вопросом, музыка затихла и оборвалась, где-то залаяла собака, и зазвучал новый вальс.

Сокращенный перевод
Ксении Артамоновой.

Ежедневный развлекательно-познавательный
интернет-портал «СОЛНЫШКО»
приглашает на страницы своего сайта
детей и любящих их взрослых!

www.solnet.ee
Детский портал
Солнышко

Новое в ноябре 2010 года:

— ноябрьские фотоконкурсы детского обаяния;
— развивающие стенгазеты для скачивания и распечатки;
— викторина «Окно в шахматный мир»;
— бесплатные консультации педагога и логопеда;
— пополнение рубрики «Новогодний уголок»;
— творческий конкурс «Подарок для ёлочки»;
и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт *www.solnet.ee*!

Всё постное

Суп гороховый

2 л воды, 1 стакан гороха, 3 картофелины, 2 моркови, 1 луковица, 2 зубчика чеснока, лавровый лист, соль, зелень.

Горох замочить в холодной воде на два-три часа. После этого довести воду с горохом до кипения. В кипящую воду вложить нарезанный кубиками картофель, потереть на крупной терке морковь, мелко порезать лук и добавить в суп. В конце варки посолить, вложить сушеную или свежую зелень, лавровый лист. Можно добавить чеснок.

Голубцы овощные

Вилок капусты, 300 г рисовой или гречневой крупы, 300 г моркови, 4 луковицы, 3 столовые ложки растительного масла, 500 г помидоров (или 3 столовые ложки томатной пасты).

Вилок капусты разобрать на листья. Листья ошпарить, крупные прожилки вырезать. Крупу отварить, нашинковать морковь, лук мелко нарезать. Все смешать, посолить по вкусу, поперчить. Свернуть капустные листья с этим фаршем конвертиком, обжарить в масле. Положить в кастрюлю на капустные же листья, добавить полстакана воды. Помидоры нарезать ломтиками, положить на голубцы, добавить подсоленное растительное масло. На медленном огне довести до готовности.

Луковник

Для теста: 800 г муки, 30 г дрожжей, 2 стакана воды, четверть чайной ложки соли.
Для начинки: 8 головок репчатого лука, три четверти стакана растительного масла, половина чайной ложки соли.

Из муки, воды, дрожжей и соли замесить дрожжевое тесто, дать ему подойти. Раскатать как можно тоньше лепешки, испечь, переслоить мелко нарубленным и обжаренным в растительном масле репчатым луком, положить в сотейник, запечь в духовке.

Салат

Небольшая редька, морковь, яблоко (лучше антоновское), 3 зубчика чеснока, четверть лимона, половина чайной ложки сухой лимонной цедры (или свежая цедра с четверти лимона, соль).

Редьку, морковь и яблоко натереть на мелкой терке. Хорошенько перемешать. Добавить толченый чеснок и цедру. В конце выжать в салат сок лимона, снова перемешать и слегка посолить.

Икра из свёклы по-монастырски

500 г свеклы, 500 г квашеной капусты, 1 головка репчатого лука, 1 столовая ложка томатной пасты, 1 столовая ложка сахара, 4 столовые ложки растительного масла, соль, черный молотый перец по вкусу.

Вареную свеклу очистить, нарезать соломкой, обжарить в растительном масле вместе с нарезанным кольцами репчатым луком. Квашеную капусту отжать, нарезать помельче, потушить под крышкой в растительном масле с добавлением томатной пасты. Соединить свеклу с капустой, перемешать, прогреть на плите 5 минут, приправить сахаром, солью, перцем по вкусу.

Помидоры фаршированные

4 средних по размеру помидора, 100 г соленых, маринованных или отваренных свежих грибов (или 100 г гречневой каши), 2 столовые ложки растительного масла, зеленый лук, молотый перец, укроп, соль по вкусу.

У спелых помидоров удалить плодоножки, срезать верхнюю часть. Крышечки не выбрасывать. Чайной ложкой аккуратно выбрать из помидоров мякоть и насыпать в полученное углубление немного соли и перца. Соленые грибы, зеленый лук, укроп мелко нашинковать, посолить и заправить растительным маслом. Нафаршировать этой смесью помидоры, сверху прикрыть их срезанными крышечками.

Можно фаршировать помидоры и свежими, отваренными с пряностями грибами. Для этого отваренные грибы пропустить через мясорубку, слегка обжарить на растительном масле и добавить в этот фарш 2 столовые ложки лимонного сока. Прекрасной начинкой для помидоров может быть и гречневая каша, смешанная с чесноком, специями и слегка обжаренная на растительном масле.

Фаршированные помидоры выложить на тарелку, полить соком грейпфрута или лимона, украсить зеленью.

Салат из клюквы

3 стакана клюквы, 2 моркови или половина брюквы, 2 репы, 1 корень сельдерея, сахар по вкусу.

Клюкву промыть, размять деревянной ложкой, засыпать сахаром. Добавить натертые морковь, брюкву, репу, сельдерей.

Чебуреки

0,5 л воды, 700 г муки, 1 стакан растительного масла, соль, перец по вкусу.
Для начинки: грибной фарш (или квашеная капуста, жаренная с луком; или лук, жаренный с морковью).

В воде развести соль по вкусу, добавить черный молотый перец, просеянную муку и замесить тесто; оно должно быть эластичным. Раскатать тонкие лепешки толщиной 3 мм и диаметром около 20 см. На одну сторону лепешки выложить приготовленную начинку нетолстым слоем; другой стороной накрыть, слепить края чебурека, наколов вилкой в нескольких местах. Жарить в растительном масле.

Пирог с курагой

0,5 л воды, 700 г муки, 1 чайная ложка соли, 1 столовая ложка сахара, 20 г дрожжей, 2 столовые ложки растительного масла.
Для начинки: 1 кг отборной янтарной кураги, 150 г сахара.

Приготовить дрожжевое тесто. Раскатать его в виде овала, положить на противень, расправить, наколоть по всей поверхности вилкой, чтобы при выпекании не образовывалось вздутий.

Положить ровным слоем дольки кураги, аккуратно загнуть бортик, смазать сиропом из-под кураги, украсить цветками из теста, которые также смазать сиропом, в середину цветка насыпать мак.

Начинка. Курагу вымыть, залить водой, чтобы она покрывала курагу, засыпать сахаром и варить до мягкости. Затем откинуть на сито или дуршлаг, охладить.

Выпекать пирог при температуре 200 градусов, пока пирог не зарумянится. У готового бортик и дольки кураги смазать сиропом, в котором варилась курага.

Игры за столом

Продолжим (см. № 9) рассказ об играх за столом. Они, как мы уже говорили, могут, разумеется, быть самыми разными. Есть много таких, которые требуют ловкости и силы рук. Но здесь мы снова поговорим об играх тихих, для успеха в которых нужны прежде всего сообразительность, хорошая память, фантазия.

Слова-мостики

Ведущий показывает две карточки с двумя разными изображениями. Задача в том, чтобы предложить слово, которое связало бы эти изображения, послужило бы переходным мостиком между ними. Участники отвечают по очереди; их ответы должны быть обоснованы. Вот на одной карточке ворона, а на другой дерево. Переходными мостиками могут быть такие слова: *лететь* (ворона взлетела на дерево), *сыр* (ворона уронила сыр, который схватила лисица), *карандаш* (ворону нарисовали карандашом на листе бумаги) и т.п.

Сказочный чайнворд

В чайнворде, как известно, надо составлять цепочку из слов, в которой каждое последующее слово начинается с буквы, заканчивающей предыдущее. Вот и дадим такое задание участникам игры, предложив им с помощью фраз-чайнвордов рассказать про кого-нибудь из сказочных героев. Например, про Колобка: *«Однажды испекла бабка Колобок, а тот не захотел лежать в углу. Убежал из дому и покатился по тропинке. Едва ушел от зубов волка. А хитрая лиса велела Колобку сесть ей на нос. Спел ей Колобок песенку, тут лиса и проглотила его».*

Спрятанные ноты

Нужно за определенное время составить как можно больше слов, в которых были бы спрятаны предложенные ведущим ноты: *ля, ре*; *до, фа*; *соль, ми*.

Конец и начало

Перед участниками игры несколько пар предложений. *Снег пошел хлопьями... На кровати лежал отбойный молоток; Костер разгорался всё сильнее... Паук поймал муху; Дятел выглянул из дупла... Балкон выкрасили в синий цвет.* Предложения в парах пока выглядят совершенно не связанными друг с другом. Но если между первым и последним предложением пары вставить еще несколько, получится рассказ. Его-то и надо придумать.

Аббревиатуры

Нас окружают бесчисленные аббревиатуры. Каждый может сказать, что такое МГУ или МХТ. А если представить, что простые слова — тоже аббревиатуры и придумать расшифровки этих слов? У кого получится забавнее? Возьмем, например, такие слова: *вода, земля, потом, нет, стол, кнопка, табло...*

Анонимки

Вообразим, что страсть к неподписанным жалобам и доносам охватила неодушевленные предметы. Участники игры составляют анонимки от лица какой-нибудь вещи и предлагают другим отгадать, кто может быть их автором.

Запомнить фразы

Ребенку предлагают, закрыв глаза, прослушать несколько фраз, которые что-то описывают, представив при этом соответствующие образы. Например: *собака виляет хвостом; в темноте сверкнула молния; на тарелке лежит котлета; идет грибной дождь; конфеты уложены в коробочку, на которой нарисованы вишни; рубашка испачкана зеленой краской; по реке плывут льдины.* После этого на листке бумаги надо будет записать фразы, которые удастся вспомнить. Помогут ли в этом представленные образы?

Придумай историю

Ребенку предлагают ряд слов, которые надо запомнить и придумать, используя их, связную историю. Чтобы легче было запомнить слова, их стоит перегруппировать, связав по какому-нибудь признаку. Слова, например, такие: *медведь, тележка, пчела, колокольчик, ромашка, воздух, ваза, кот, солнце, вода.*

Закодируй число

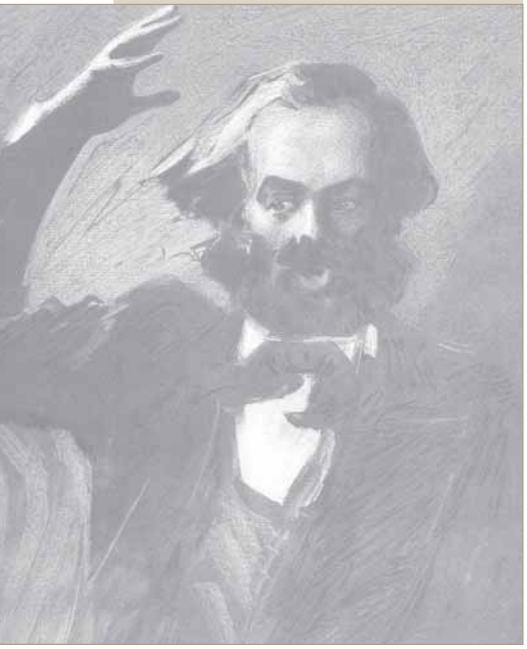
Пусть ребенок запомнить такие словосочетания: *одна корова, два автомобиля, три рубашки, четыре ножки стола, пять футболистов, шесть карандашей, семь воздушных шариков, восемь стульев, девять колец, десять стаканов.* Запомнить количество предметов будет легче, если представить себе соответствующий образ. Так, если надо запомнить *одна корова,* можно представить корову, которую привязали к колышку, чтобы не убежала...

Игрушки в очереди

Сначала расскажите ребенку такую историю: «Игрушки стояли в очереди, чтобы прокатиться на карусели. Первым стоял медвежонок, за ним — кукла Катя, за ней — поросенок, за поросенком — медведь-папа, последним был котенок. Тут появился мороженщик, и все подбежали к нему. А когда вернулись к карусели, не смогли вспомнить, кто за кем стоял... Ты не можешь им помочь?» Ребенок сможет это сделать, если, слушая историю, он представлял себе картину игрушечной очереди.

Фото В. Воронова

«То, что отличает коммуниста, — это упразднение буржуазной собственности. Карл Маркс был последователь-



ным до конца», — отметила итальянская «Коррьера делла Сера». Он написал «Капитал», оставивший след в современной мысли, но не нажил никакой собственности. Младшей дочери Элеоноре от отца достались в наследство всего 250 фунтов стерлингов (сегодня — около 23 тысяч евро).

В аналогичной ситуации оказалась и семья Оскара Уайльда. «Чтобы завоевать популярность, надо быть посредственностью», — говорил он. Уайльд принадлежал не к армии посредственностей, а к элите самых больших талантов, но стал жертвой предрассудков, которые и привели его к тюрьме и бедности. К концу жизни он располагал 250 фунтами, как и Маркс.

Однако не все талантливые люди XIX и XX веков были бедны. Чарльз Диккенс оставил после смерти 80 тысяч фунтов, что сегодня эквивалентно семи миллионам евро. Не было причин жаловаться и наследникам Чарльза Дарвина: к ним перешла собственность в размере 146 тысяч фунтов. Артур Конан Дойл благодаря Шерлоку Холмсу подарил наследство в 63 491 фунт...

Центр гуманитарных исследований при Техасском университете собирает средства на восстановление коллекции платьев, в которых Вивьен Ли сыграла свою знаменитую роль Скарлетт О'Хары в фильме «Унесенные ветром». Экспозицию платьев намереваются устроить в 2014 году —

к 75-й годовщине выхода картины, ставшей одной из самых популярных экранизаций в истории кино и получившей восемь «Оскаров». Сейчас наряды не могут быть выставлены: они слишком обветшали, в некоторых местах платья сношены до дыр, кое-где расходятся швы. Центр приобрел эти наряды в середине 1980-х как часть коллекции, принадлежавшей раньше продюсеру картины Дэвиду Селзнику. К тому времени они уже изрядно попутешествовали и не раз выставлялись.

Коллекция состоит из бального платья цвета красного вина, которое Скарлетт надевала на день рожденья Эшли Уилкса; свадебного платья, в котором она выходила замуж за Чарльза Гамильтона; голубого бархатного пеньюара и, наконец, ставшего символом несломленного духа героини зеленого бархатного платья, которое доведенная до отчаяния Скарлетт сшила из портьер.

В картине Вивьен Ли надевала это платье трижды: в тюремной сцене, когда Скарлетт просит деньги у Ретта Батлера; когда прогуливается вместе с Мамушкой по улицам Атланты и когда встречается с Фрэнком Кеннеди.

Модельер платьев Уильям Пратт в своей книге «Лихорадка Скарлетт», вышедшей в 1977 году, о своей работе отозвался скромно: «Не думаю, что это было самое лучшее или самое значительное, что я когда-либо сделал. Но сама картина, конечно, будет жить в поколениях, как и зеленое платье,

потому что оно является частью действия. Это, возможно, наиболее знаменитый костюм в истории мирового кино».

После многовекового засилья мужчин-гондольеров (каждый из которых и по сей день ревностно чтит традиции и мастерство древней профессии) власти Венеции выдали лицензию женщине. Перед этим 24-летняя Джорджия Босколо, чей отец также был гондольером, выполнила ряд практических заданий и письменных контрольных работ, чтобы получить желанный сертификат. Теперь она станет членом гильдии венецианских гондольеров и на своей собственной гондоле сможет отправляться по сложным и разветвленным венецианским каналам от самого собора Святого Марка, главной достопримечательности города на воде. Успех Джорджии, вполне вероятно, вдохно-

вит и других женщин на освоение профессии гондольерши.

Прокатиться на гондоле — удовольствие не из дешевых. За 20-минутное путешествие на всем известной 11-метровой черной лодке придется заплатить минимум 40 евро (50 долларов) за человека.

В Италии вновь разгорелись споры о том, кому принадлежит «Давид». Чтобы посмотреть на «Давида», туристы платят около 10 миллионов долларов в год.

Микеланджело завершил работу над мраморной статуей библейского Давида в 1504 году. Статуя высотой 4,34 метра веками стояла возле городской ратуши во Флоренции — Палаццо Веккио, — а в 1873 году, она была перенесена в Академию изобразительных искусств.

По словам юристов, нанятых министерством культуры Италии, ими недавно было установлено, что «Давид» является собственностью центрального правительства страны. Однако мэр Флоренции Маттео Ренци заявляет, что статуя принадлежит городу: в 1871 году итальянское государство передало право владения статуей городу Флоренции в порядке компенсации за то, что статус столицы Италии, ставшей единым государством, перешел к Риму.

Длившиеся почти 30 лет поиски самого короткого решения задачи кубика Рубика, похоже, подошли к концу. Исследователи пришли к выводу, что любая случайная комбинация составляющих элементов этой головоломки может быть преобразована в одноцветные стороны за 20 и даже менее ходов.

Полученный минимум в 20 ходов получил название «число Бога», поскольку всезнающее божество должно знать и оптимальное число комбинаций, необходимое для решения головоломки. Всего общее число начальных позиций кубика Рубика — 43 квинтиллиона (миллиарда миллиардов). Из них, как показали вычисления, существует более 100 тысяч позиций, которые могут быть решены за 20 ходов.

Однако большинство этих решений может быть достигнуто за 15–19 ходов. До 1995 года эксперты полагали, что теоретическим минимумом ходов для кубика Рубика является число 18. Затем исследования математика Майкла Рида показали, что имеются начальные конфигурации, которые невозможно решить менее чем за 20 ходов.

Однако профессор Дэвидсон считает, что эта цифра — чисто гипотетическая, потому что никому пока что не удалось обсчитать все возможные конфигурации. Было бы совершенно безнадежным попытаться сделать это. Поэтому исследователи сократили их число путем выявления дубликатов и используя теорию симметрии для выявления сходных комбинаций. Им удалось, в конце концов, сократить их количество до 56 миллионов. На анализ каждой у хорошего настольного компьютера уходит 20–30 секунд. Первоначально ученые решили воспользоваться суперкомпьютером. Но тут на сцене появилась компания Гугл, которая предложила воспользоваться своим компьютерным парком, который состоит из тысяч соединенных между собой персоналок.

Группа исследователей, которую возглавляет профессор Дэвидсон, может теперь заняться решением подобной проблемы для более сложных версий головоломки Рубика в виде октаэдра или шара.

Россетти

1828, 12 мая. В Лондоне, в семье итальянского поэта-эмигранта, недавнего карбонария из Неаполя Габриела Россетти, родился сын, названный Данте Габриел. Отец преподавал итальянский язык в Королевском колледже и был специалистом по Данте. Но существует версия, что имя Данте появилось у Россети-сына в юношеские годы, когда он увлекся творчеством итальянского поэта. В семье поощрялись интеллектуальные увлечения четырех детей, поэтические и художественные. Далеко не примерный ученик Королевского колледжа, Габриел переводил итальянских поэтов XII–XIV веков и пытался их опубликовать.

1848. Посещает клуб рисунка, где обучение основывается на взаимной критике. Знакомится с художниками Джоном Миллесом и Уильямом Хантом. Всех их не удовлетворяет академическое образование, викторианская живопись кажется им далекой от реальности, мертвой, помпезной, основанной на условности. Они решают создать «Братство», к ним присоединяются еще четверо. Издают манифест, бросают вызов обществу, критикуя не только английскую академическую школу, но и всех художников после Рафаэля. Себя они называют «Братством прерафаэлитов». Старшему из них двадцать один год. Но все они очень талантливы.

1849. На свободной выставке в Гайд-парке Россетти выставляет «Детство Богоматери», написанное по образцу примитивной религиозной картины. На раме художник поместил пояснительный поэтический текст. В том же году выставляет картину в Королевской академии вместе с «Изабеллой» Миллеса и «Риенци» Ханта. Дебют прерафаэлитов прошел удачно, все картины были проданы, они обратили на себя внимание критики и публики: понравились фигуры, написанные ярко и отчетливо, пояснительные тексты растолковывали сюжет и символические детали, пленила простота и искренность исполнения.

1850. Заканчивает и выставляет «Благовещение» **(репродукция)**. Критика разбушевалась: художник нарушил все традиции. Мадонна Россети — обычная девушка, испуганная принесенной ей ангелом вестью. Ореол вокруг головы не помогает ощущению святости. Стремясь приблизиться к реальности, к обыденному, прерафаэлиты кажутся беспомощными в передаче религиозного чувства (в отличие от художников Раннего Возрождения). К критикам присоединяется Чарльз Диккенс. Он безжалостен.

Для Марии позировала рыжекудрая Элизабет Сиддел, продавщица в шляпном магазине. Она позировала и Миллесу («Святое семейство», «Офелия»). Влюбившийся в нее Россетти потребовал, чтобы она позировала только ему. Через несколько лет они поженились. Элизабет была незаурядной женщиной; поощряемая Габриелом, она брала уроки живописи, подражая ему, писала неплохие стихи; но его богемный образ жизни приводил ее в отчаяние.

После шквала критики Россетти решил больше не выставляться; он почти не работает, преподает в Колледже для рабочих. Между тем он стал фигурой почти легендарной. К движению прерафаэлитов примыкают такие художники, как Эдвард Бёрн-Джонс, Уильям Моррис, поэт Чарлз Суинберн. На защиту движения встал известный критик Джон Рёскин. Прерафаэлиты вошли в моду, приковали к себе внимание общества.

1857. Участвует в передвижной выставке, представляющей искусство прерафаэлитов в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне.

1857–1860. Иллюстрированное издание стихов Теннисона объединило Ханта, Миллеса, Россетти и Вулнера.

Благодаря хлопотам Россетти молодым художникам доверили роспись стен конференц-зала Оксфордского союза. Тема росписи связана с легендой о короле Артуре. Увы, со временем роспись поблекла.

1862. Сиддел умирает от передозировки настойки опия. Ее смерть трагически переживалась Габриэлом. В ее гроб он положил единственный экземпляр рукописи своих поэм. Он пишет мистический портрет «Беатриче Великолепная», посвящая ее Элизабет, а себя сравнивая с Данте. У Николая Гумилева несколько сонетов об этом полотне: «Я не буду тебя проклинать, Я печален печалью разлуки, Но хочу и теперь целовать Я твои уводящие руки...»

Россетти поселяется в новом доме, ведет еще более эксцентричный образ жизни, окружает себя экзотическими животными, устраивает оргии, прибегает к наркотикам.

1860-е. В последний период творчества эстетика Россетти меняется; он создает произведения, воспевающие чувственную красоту. Его музой становится Джейн Моррис, жена его друга Морриса. Художник сделал много фотографий Джейн, особенно в саду своего дома, используя их как этюды. Ее необычное, несколько мрачное лицо превращалось на его полотнах в исполненное колдовской, нездешней красоты.

1873–1877. Пишет с Джейн «Прозерпину». Богиня подземного царства изображена в гранатом в руке. Отведав несколько зернышек, она оказалась связана с новым супругом — Плутоном, владетелем подземного мира. Ее красота и чувственность принадлежат земле, но судьба обрекла ее на аид.

Роковое, двойственное начало и в образе «Астарты Сирийской», написанной в это же время, — богини любви, одновременно доброй и жестокой. Красота ее кажется пугающей, инфернальной.

Во время позирования для этой картины Джейн поняла, сколь велика зависимость художника от наркотиков, и решила прекратить позирование.

1880. Пишет «Грезы». Использует для портрета зарисовку с Джейн, сделанную в первые годы знакомства. Побеги платана обвивают женщину, а цветок жимолости в ее руке говорит о безответно питаемой художником любви. Изысканность отличает теперь стиль художника. Но работать ему становится трудно, все чаще он заговаривается...

1882, 9 апреля. Россетти умирает.

Россетти пережил несколько этапов творчества, но его картины всегда исполнены поэтического настроения, он оставался искренним, «до предела опустошая свое сердце». Рёскин считал его живопись «главной интеллектуальной силой в становлении современной романтической школы в Англии».

В конце XIX века прерафаэлиты становятся воспоминанием, но в 60-х годах XX века их открывают заново. Кинорежиссер Питер Гринуэй говорил, что вдохновение для своих картин он черпал, наслаждаясь прерафаэлитскими пейзажами. Сальватор Дали пишет о сюрреализме вечно женственного в прерафаэлизме, подтверждая свои парадоксальные мысли анализом женских образов Россетти, — «одновременно самых желанных и самых ужасающих женщин, которые только могут быть.., это плотские фантазмы из области “ложных воспоминаний” детства, это студень из самых преступных чувственных снов... Именно они образуют “лунную легенду Запада”».

Л. Осипова

Фото Елены Боковой